Временный Комитетъ Государственной Думы.

ГИ181
П446 р

Красный флотъ за свободу и родину!

(Митингъ черноморцевъ въ Петроградѣ).

Издательство „Освобожденная Россія“.

№ 23.

ЦѢНА 25 КОП.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. Т-во „Екатерингофское Печатн. Дѣло“ Екатерингоф. пр. 7.
1917.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИ181
П 946 р

69499 у

Красный Флотъ за свободу и родину.

(Митингъ Черноморцевъ въ Петроградѣ).

6-го Мая въ Петроградѣ, въ помѣщеніи цирка Чинизелли, состоялся огромный митингъ. Его устроили делегаты, прибывшіе въ столицу отъ Черноморскаго Флота. Этотъ митингъ сталъ цѣлымъ событіемъ. Митинговъ и собраній теперь всюду не мало происходитъ каждый день. Но далеко не всякому изъ нихъ удается привлечь къ себѣ такое вниманіе, чтобы о немъ долгое время говорили и потомъ. Митингъ Черноморцевъ былъ именно такимъ. И это потому, что Черноморцы сказали тѣ слова, которыхъ такъ недостовало намъ всѣмъ въ послѣднее время. Среди упадка духа, среди растерянности и неразберихи раздались, наконецъ, голоса бодрые, полные вѣры въ Россію и глубокой любви къ ней. Герои 1905 г., уже доказавшіе свою любовъ къ родинѣ готовностью сложить свои головы на плахѣ, — выступили теперь на защиту Россіи, какъ ея лучшіе и вѣрные сыны. Они высоко подняли знамя Россіи и честь свободныхъ русскихъ гражданъ. Испытанные борцы за свободу они не сложили своего оружія и передъ прусской военщиной, угрожающей свободѣ всѣхъ народовъ.

Честь и хвала доблестнымъ Черноморцамъ!

Они привезли въ хмурый туманный Петроградъ свѣтъ южнаго солнца, отъ котораго, мы увѣрены, возгорится пламя любви и вѣры въ самихъ себя. А это теперь самое необходимое...

842

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ 7-мъ часу вечера 27-го апрѣля 1917 года въ Севастопольскій Центральный Комитетъ Совѣта депутатовъ Арміи и Флота пришелъ делегать съ дредноута „Свободная Россія“ (бывшая „Екатерина“) и просилъ прислать сейчасъ же нѣсколько членовъ Центральнаго Комитета для совмѣстнаго обсужденія положенія въ Россіи, которое такъ правдиво обрисовалъ адмиралъ Колчакъ въ своемъ докладѣ делегатскому собранію матросовъ и солдатъ въ циркѣ Труци. Три члена Центральнаго Комитета, лейтенантъ авіаціи и подводнаго плаванія Ромушкевичъ, матросъ Баткинъ, матросъ Александ-

ровъ тотчасъ же отбыли на дредноутъ „Свободная Россія“, гдѣ встрѣтили собраніе судовыхъ Комитетовъ отъ 28 большихъ кораблей Чернаго Моря. Комитеты собрались въ офицерской каютъ-компаніи и здѣсь началось обсужденіе вороса, какъ можно и должно реагировать на создавшееся положеніе и какъ помочь отечеству въ эту трудную минуту. Выступилъ рядъ ораторовъ, обсуждавшихъ положеніе Россіи и роль Черноморскаго Флота, какъ передового бойца за свободу при старомъ режимѣ. Къ концу засѣданія было предложено лейтенантомъ Ромушкевичемъ и матросомъ Баткинымъ конкретное предложеніе: послать Временному Правительству и Совѣту Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ телеграмму, въ которой говорилось о невозможности ихъ разрыва для Россіи, ибо при первыхъ шагахъ этого разрыва, началась бы анархія въ странѣ и гибель отечества была бы очевидна. Во-вторыхъ, предложено было выпустить для всего русскаго народа воззваніе на простомъ русскомъ языкѣ и обставить это воззваніе широкой рекламой, чтобы какъ говорили матросы „кто даже и не хотѣлъ бы читать, такъ прочиталъ бы и распространить по всѣмъ уголкамъ Россіи, наклеить на поѣзда и т. п. Наконецъ рѣшено было отправить 200 человѣкъ делегатовъ въ Петроградъ къ Временному Правительству и Совѣту Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ съ тѣмъ, что-бы на мѣстѣ разрѣшить волнующіе вопросы и сказать свое слово.

Къ 5-ти утра эти три предположенія лейтенанта Ромушкевича были приняты единогласно и на слѣдующій день въ делегатскомъ собраніи, гдѣ собралось около 400 человѣкъ со всѣхъ кораблей, это предложеніе было проведено тѣми же лицами при единодушномъ согласіи всего делегатскаго собранія. На слѣдующій день выборные отъ командъ были собраны въ Центральный Комитетъ, здѣсь выработана была общая программа и собраны были деньги со всѣхъ командъ (добровольно) на поѣздку, и въ 8 часовъ вечера, въ 4-хъ вагонахъ, делегація въ составѣ 165 человѣкъ изъ матросовъ, офицеровъ, рабочихъ и солдатъ отбыла въ Петроградъ, напутствуемая всѣмъ Черноморскимъ флотомъ, для того что-бы всей Россіи говорить „Отечество надо спасать. Надо спасти, добытыя народомъ свободы“. Первая остановка на однѣ сутки была сдѣлана въ Москвѣ и потомъ делегація Чернаго моря отбыла и прибыла въ Петроградъ.

Лейт. Ромушкевичъ

Митингъ Черноморцевъ.

Митингъ открылъ матросъ Черноморскаго флота Баткинъ, сказавшій слѣдующее:

Товарищи, мнѣ никогда не приходилось предсѣдательствовать въ такомъ большомъ собраніи. Порядокъ собранія, товарищи, въ вашихъ рукахъ. Каждый ораторъ долженъ также сознавать, что мы находимся въ свободной странѣ, гдѣ свобода мнѣній, поэтому, я обращаюсь къ собранію съ покорнѣйшей просьбой оградить свободу слова каждаго оратора, если даже его слова будутъ совершенно противорѣчить другой части собранія. Каждый можетъ получить слово для возраженія, но съ мѣстъ никакихъ выкриковъ просятъ не дѣлать, такъ какъ это будетъ мѣшать оратору. Слово предоставляется герою возстанія въ Черномъ морѣ въ 1905 г., герою броненосца „Потемкинъ“ Фельдману, который былъ арестованъ, приговоренъ къ смертной казни, бѣжалъ и теперь только возвратился изъ Парижа.

Фельдманъ. Товарищи-граждане! Позвольте мнѣ прежде чѣмъ обратиться къ вамъ по русски, сказать нѣсколько привѣтственныхъ словъ по французски представителямъ союзныхъ державъ (голоса: просимъ!) Обащаюсь къ представителямъ союзныхъ съ нами странъ, которыя вмѣстѣ съ нами проливали кровь, и надѣюсь, что наша связь съ ними дастъ возможность намъ закрѣпить полученную нами свободу и закрѣпить миръ въ основѣ котораго будетъ лежать любовь и свобода всѣхъ народовъ.

Теперь, товарищи-граждане, сегодня одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Только сегодня, вернувшись изъ Франціи послѣ 12 лѣтъ скитаній, я получилъ возможность привѣтствовать на свободной русской землѣ революціонный народъ, революціонный русскій пролетаріатъ, къ которому шли всѣ мои упованія. Привѣтствую славный петроградскій гарнизонъ который

въ дни февраля исполнилъ свой священный гражданскій долгъ. Я тѣмъ болѣе счастливъ, что я могу привѣтствовать васъ не только самъ, но и отъ имени Черноморскаго флота, отъ имени краснаго флота. который выдвинулъ изъ своей среды такихъ героевъ, какъ матросъ Матюшенко, разстрѣлянный въ Ставрополѣ и какъ безвѣстный, но великій герой, матросъ Кошуба, съ которымъ я вмѣстѣ находился на „Прутѣ“, который былъ превращенъ нашими притѣснителями изъ революціоннаго корабля въ пловучую крѣпость. Привѣтствую васъ отъ того Черноморскаго флота, который выдвинулъ изъ своей среды лейтенанта Шмидта (бурные апплодисменты). Предлагаю собранію почтить память всѣхъ матросовъ и офицеровъ, которые погибли за свободу (аплодисменты) Товарищи, Черноморскій флотъ, гдѣ въ 1905 г. я вмѣстѣ съ революціонными матросами на кораблѣ „Потемкинъ“ впервые за всю исторію Россіи замѣнилъ царскій штандартъ краснымъ знаменемъ, этотъ Черноморскій флотъ всегда былъ вмѣстѣ съ народомъ, всегда онъ выступалъ вмѣстѣ, когда рабочій классъ и крестьяне предъявляли свои политическія и экономическія требованія. Въ 1905 г. въ г. Одессѣ мы дали два выстрѣла, заранѣе позаботившись о томъ, чтобы эти выстрѣлы не нанесли ущерба мирному населенію и послѣ этого, я отправился вмѣстѣ съ двумя матросами къ главнокомандующему и предъявилъ ему требованія: земля и воля для крестьянъ и созывъ учредительнаго собранія, для установленія демократической республики. Вотъ, товарищи, намъ тогда сказали — съ царскими бунтовщиками и измѣнниками родины мы въ переговоры вступать не желаемъ. Мы хотѣли доказать, что мы не бунтовщики, а вѣрные сыны родины, что измѣнники не мы, а они. Но, товарищи, мы были слишкомъ одиноки и руки наши оказались слишкомъ слабы — красное знамя выпало изъ нашихъ рукъ и только теперь до насъ донеслась отвѣтнымъ эхомъ на наши прежніе выстрѣлы петроградскяя революціонная стрѣльба. Товарищи-граждане, отъ имени Черноморскаго флота заявляю вамъ, что Черноморскій флотъ останется всегда вѣрнымъ своимъ традиціямъ, что онъ всегда будетъ васъ поддерживать и пока есть у него хоть одинъ снарядъ, пока живъ хоть одинъ матросъ — дѣло русской революціи не умретъ. (бурные апплодисменты), Я хотѣлъ вамъ сказать, что пушки черноморскихъ броненосцевъ будутъ всегда направлены противъ

всякаго, кто захочетъ отнять у насъ свободу. Я хочу повторить вамъ, что пока черноморскій флотъ будетъ стоять на стражѣ русской свободы, вы можете спокойно заняться строительствомъ свободной Россіи (аплодисменты). Но, товарищи, мы полагаемъ, что первое качество великой демократіи заключается въ ея силѣ и въ ея организаціи. Мы знаемъ и исторія насъ учитъ, что французская революція восторжествовала не только потому, что солдаты умѣли пѣть марсельезу, а потому что они сумѣли сплотиться въ тѣсную, могучую семью. Черноморскій флотъ помнитъ хорошо и дѣйствительно проникся словами нашего обіцаго друга гражданина министра Керенскаго, который сказалъ, что свобода даетъ не только права, но и налагаетъ обязанности, поэтому Черноморскій флотъ тотчасъ же наложилъ на себя самъ добровольно строгую, гражданскую военную дисциплину. И хотя я, товарищи, къ сожалѣнію, не принадлежу сейчасъ къ личному составу Черноморскаго флота, но да позволено будетъ мнѣ воздать ему хвалу, что въ этомъ смыслѣ онъ проявилъ гражданскую доблесть и гражданскій идеализъ, какъ тотъ, который проявляетъ русскій рабочій классъ, который, сдѣлавъ революцію и имѣя возможность взять власть въ свои руки, отказался отъ этого для того, чтобы создать прочную демократическую республику (аплодисменты). Такая политическая мудрость является безпримѣрной во всей всемірной исторіи. Товарищи, исторія захотѣла чтобы на долю великаго русскаго народа выпали самыя тяжелыя испытанія. Нашу свободу, нашу великую революціонную Россію мы должны строить въ годъ ужаснаго мірового бѣдствія — во время великой войны. Въ то время, какъ мы здѣсь съ вами говоримъ, на тысячеверстныхъ полосахъ западнаго, восточнаго и южнаго моря, на безбрежныхъ поляхъ рвутся шрапнели, трещатъ пулеметы, раздаются стоны, льется кровь умираютъ сотни и тысячи людей. Отъ этой трагедіи я не могу оторвать своихъ взглядовъ и сейчасъ мы хотимъ, товарищи, чтобы началась наконецъ, развязка этой трагедіи, чтобы мы пришли къ миру. Но къ какому миру? До сихъ поръ въ Европѣ основывался всегда одинъ и тотъ же миръ и если мы заключимъ опять миръ на такихъ же основаніяхъ, когда будутъ попраны права народовъ, то миръ этотъ недолго протянется. Эти обиженные народы завтра же начнутъ ковать оружіе, чтобы заставить отдать то, что у нихъ

отнято. Такого мира, товарищи, мы не хотимъ (апплодисменты). Мы хотимъ мира справедливаго, того мира, формула котораго дана была недавно Совѣтомъ Раб. и Солд. Деп. Мы хотимъ мира безъ аннексій который далъ бы всѣмъ народамъ право самоопредѣленія и свободнаго рѣшенія своей судьбы. Но, товарищи, для того, чтобы добиться такого мира, намъ нужна могучая армія, которая по первому слову своихъ братьевъ, могла бы пойти въ бой противъ тѣхъ народовъ, которые не захотятъ подписать съ нами миръ, котораго мы желаемъ. Мы должны быть готовы, товарищи, къ наступленію, (апплодисменты), потому что, какъ сказалъ нашъ уважаемый товарищъ и предсѣдатель матросъ Баткинъ — наступленіе — есть лучшая оборона. Мы должны быть готовы къ наступленію, потому что въ противномъ случаѣ мы фактически заключаемъ сепаратный миръ. Я, товарищи, только что вернулся изъ Франціи и передъ самымъ отъѣздомъ я посѣтилъ французскій фронтъ и вотъ, товарищи, когда я сказалъ, что я русскій, изъ всѣхъ окоповъ, изъ всѣхъ норъ вылѣзали французскіе рабочіе, крестьяне въ солдатскихъ курткахъ, которые уже три года бьется, чтобы освободить свою землю и они спрашивали меня; неужели русская демократія насъ броситъ, неужели Россія заключитъ серпаратный миръ? (голоса: Никогда, никогда! (бурные аплодисменты). Никогда, товарищи, это я имъ отвѣтилъ отъ вашего имени. Но когда я пріѣхалъ сюда, я слышалъ много печальныхъ вещей. Мнѣ говорили о разрухѣ, о томъ, что, мы уже нечего не сможемъ сдѣлать. Но я, товарищи, и Черноморскій флотъ мы этого взгляда не раздѣляемъ и мы вѣримъ въ свободную Россію. Мы знаемъ, что бывали еще болѣе печальныя времена. Что во время французкой революціи, французская армія была дезорганизована, была лишена продовольствія, пара сапогъ продавалась за 40 тысячъ франковъ, и несмотря на это французская революція нашла въ с бѣ силы, чтобы одинъ на одинъ защищать свою свободу, защищать ее противъ реакціонной Европы. Неужели же мы, великій русскій революціонный народъ не сдѣлаемъ съ нашими союзниками того, что сдѣлали французы въ полномъ одиночествѣ. Такъ, пойдемъ же, товарищи, дружно рука въ руку, плечо къ плечу, солдаты, рабочіе и граждане, пойдемъ вмѣстѣ умирать за революцію, за свободную Россію, пойдемъ вмѣстѣ добывать счастья для Россіи для всего человѣчества! И этого

счастья, товарищи, мы добьемся! (бурные апплодисменты).

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ делегату Черноморскаго флота поручику Дорскому.

Дорскій. Дорогіе товарищи и граждане Петрограда. Отъ лица Черноморскаго флота, Севастопольскаго гарнизона и рабочихъ Севастопольскаго порта приношу вамъ привѣтъ (апплодисменты). Ораторъ, выступавшій до меня, товарищъ Фельдманъ, описалъ вамъ, чѣмъ жилъ Черноморскій флотъ еще тогда, когда на тронѣ былъ царь. Онъ сказалъ вамъ, что Черноморскій флотъ всегда былъ краснымъ флотомъ, всегда былъ флотомъ революціоннымъ, что Черноморскому флоту всегда были близки и дороги лозунги демократическихъ партій, лозунги соціалистическихъ партій, что Черноморскій флотъ всегда горевалъ горестями рабочаго народа и всегда радовался его побѣдами. И вотъ сейчасъ, когда раздался кличъ—отечество и свобода ея въ опасности, Черноморскій флотъ, гарнизонъ и рабочіе, которые всегда чутко прислушивались къ голосу демократіи, не могъ оставаться спокойнымъ — онъ выбралъ своихъ представителей и послалъ ихъ въ мозгъ Россіи сказать, что чувствуетъ, чѣмъ живетъ Черноморскій флотъ, рабочіе и гарнизонъ и приказалъ намъ въ первую голову твердо и прямо сказать авангарду русской революціи, что Черноморскій флотъ ни на одинъ шагъ, ни на одну іоту не отступитъ отъ тѣхъ идеаловъ, которые волновали его раньше и что теперь въ особенности Черноморскій флотъ близко къ сердцу принимаетъ все то, что творится здѣсь въ Петроградѣ. Граждане Россіи, онъ приказалъ намъ сказать, что на Черноморскій флотъ и на гарнизонъ всѣ свободолюбивые граждане и вся демократія можетъ расчитывать, не только какъ на сочувствующую мысленно группу, но какъ на твердую организацію, которая представляетъ изъ себя большую боевую силу (апплодисменты). Въ Черноморскій флотъ, рабочіе, солдаты, матросы, командующіе и офицеры съ первыхъ же дней революціи слились воедино, памятуя призракъ, кошмарный призракъ пятаго года—вы помните трагизмъ его, вы помните трагизмъ того, что кучка людей свободолюбивыхъ подняла красное знамя, а остальные люди пошли навстрѣчу и пролилась рабочая кровь пролилась къ позору его, долженъ сказать. Но революція 1917 г. началась и всѣ мы соединились воедино, всѣ три части поставили одинъ грозный кулакъ противъ

долгъ царствовавшаго здѣсь трона, и этотъ грозный кулакъ раздавилъ его. Черноморскій флотъ, гарнизонъ и рабочіе, какъ только раздались первые крики революціи, бросились всѣ одинъ къ другому—матросъ искалъ поддержки въ рабочемъ; рабочій въ солдатѣ, матросъ и солдатъ пошелъ къ офицеру и офицеръ пошелъ къ нимъ навстрѣчу (апплодисменты). И вотъ въ результатѣ единеніе, семья дружная и эта семья пришла сюда, чтобы спросить у разума Россіи, у разума, который такъ же чувствуетъ, какъ и мы, его слово, а также и сказать свое. И я заканчиваю свою рѣчь тѣмъ, съ чего и началъ, что вся демократія Россіи, всѣ свободолюбивые люди знайте, что Черноморскій флотъ, военный и торговый гарнизоны и рабочіе поклялись, что, если вамъ нужны будутъ наши силы для защиты свободы, если вамъ нужна будетъ наша жизнь, мы всѣ, не задумываясь, какъ одинъ человѣкъ, пойдемъ на смерть за свободную Россію (апплодисменты).

Лейтенантъ Ромушкевичъ. (Членъ делегаціи Черноморскаго флота). Свободные граждане и свободные гражданки, я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ, что вызвало нашу поѣздку въ мозгъ Россіи. Какъ вамъ говорилъ товарищъ, въ 1905 г. и вы сами это знаете, Черноморскій флотъ, поднявшій знамя возстанія, не сумѣлъ его удержать, оно было разбито темными силами, которыя въ результатѣ разстрѣляли свободныхъ моряковъ, но не всѣмъ вамъ извѣстно о томъ, что въ 1912 г. въ томъ же Черноморскомъ флотѣ была вторая попытка гораздо крупнѣе поднять это красное знамя. Я обращусь немного къ прошлому, обращусь немного назадъ и скажу объ этомъ нѣсколько словъ, такъ какъ я былъ свидѣтелемъ того, что дѣлалось въ 1912 г. въ Черноморскомъ флотѣ. Помню, я былъ выпущенъ въ Черноморскій флотъ гардемариномъ и прибылъ на линейный корабль „Іоаннъ Златоустъ“; тамъ я увидѣлъ, что матросы начали организовываться, что матросы начали привлекать къ этому офицеровъ, привлекать къ тому, чтобы поднять красное знамя противъ тѣхъ, кто давилъ русскій народъ. И вотъ по прошествіи цѣлаго мѣсяца, когда я плавалъ на этомъ кораблѣ, я видѣлъ, къ сожалѣнію, что дѣлали вовсе не такъ, какъ нужно, ибо не было, товарищей, организаціи. Въ этомъ былъ весь ужасъ — матросы недостаточно сильные сами по себѣ, офицеры въ очень небольшомъ количествѣ ихъ сопро-

доблающіе, не могли спаяться и дать ту силу, которая не только бы подняла красное знамя, но и удержала его и силу одолѣла си а, организацію одолѣла дезорганизація. Ночью матросы были окружены, ихъ взяли изъ комнатъ въ количествѣ 40 человѣкъ изъ моего линейнаго корабля, а изъ другихъ кораблей тоже были взяты, ихъ взяли, связали на берегъ, и тамъ на далекихъ бастіонахъ рѣшей Севастопольской крѣпости въ невѣдомыхъ мѣстахъ, они пролили свободолюбивую свою кров . Не то, что они сдѣлали, то, что они дали внизу, въ рядахъ, въ колегіяхъ, то осталось — остался свободный духъ и остался еще урокъ, урокъ, который говорит что для того, чтобы поднять знамя, нужна сила. Когда до насъ долетѣли первыя слова о свободѣ, весь Черноморскій флотъ сразу сказалъ: намъ съ сѣвера дали знамя, мы его защитимъ. Что же намъ нужно его защищать? Нужно залечить его организаціей — и эти матросы, и солдаты, собравшись въ томъ же самомъ историческомъ мѣстѣ Черноморскаго экипажа, ночью въ количествѣ 8.000 рѣшили здѣсь же сорганизоваться, рѣшили здѣсь же выбрать своихъ представителей и дали клятву, что они этимъ представителямъ будутъ подчиняться. Это былъ первый зародышъ той великой силы, которая сейчасъ находится въ Черноморскомъ флотѣ. Въ эту ночь къ намъ прибѣжали тѣ офицеры, которые первые пошли къ своимъ родимымъ братьямъ, которые тяжелые дѣлили свободу, но не могли возвышать своего голоса, потому что ихъ давили. И вотъ въ сосѣдствѣ съ офицерами, не особенно многочисленными, съ матросами, которые все время къ намъ приставали и присоединялись со всѣхъ кораблей, мы увидѣли, что наше положеніе не реальный путь, что у насъ имѣется только одна сила, и мы пришли и сказали всему Черноморскому флоту: товарищи офицеры, товарищи солдаты мы вмѣстѣ съ вами сражались у Севастополя, мы вмѣстѣ съ вами бросались у Кавказскихъ береговъ, мы вмѣстѣ съ вами бросались у Румынскихъ береговъ, у Болгарскихъ, мы вмѣстѣ съ вами переживали шквалы и непогоды, мы вмѣстѣ сидѣли въ острыхъ рукахъ и мы также вмѣстѣ съ вами умремъ за ту свободу, которую дала намъ сегодня сѣверъ Россіи (аплодисменты). Наши пришли отказались въ первительныя кассы, которыя еще не примкнули къ намъ — онъ теперь прислали сразу къ намъ и изъ своихъ средствъ

силы въ 12.000 образовалась огромная сила 160.000, и эта сила сказала своимъ избранникамъ, что и командующіе, и офицеры, и солдаты, матросы, и рабочіе, и всѣ жители г. Севастополя клянутся, что они свободу больше ни кому не отдадутъ (аплодисменты).

И если придется бороться за то, что они получили, то они будутъ бороться до послѣдней капли крови (аплодисменты). Прошло три дня, организація у насъ пошла быстрымъ ходомъ, всѣ нерѣшительные элементы примыкали къ намъ, а тѣхъ, которые не желали, мы устраняли, какъ мѣшающихъ нашему движенію, мы вынимали ихъ изъ офицерской среды, изъ матросской среды, изъ среды гражданъ г. Севастополя и такимъ образомъ у насъ сразу очистилось поле дѣйствія отъ тѣхъ людей, которые не желали съ нами работать. И когда мы увидѣли, что мы достаточно окрѣпли, мы начали организовывать. Изъ Крыма, мы поѣхали въ Симферополь, въ Ялту, въ Одессу, въ Евпаторію, въ Джанкой, мы поѣхали на фабрики въ Мелитополь и вездѣ старались скорѣе организовать, старались, чтобы къ намъ примыкали остальные органы, чтобы силы наши росли и ломали бы все, что встрѣчается на нашемъ пути (аплодисменты). Такимъ образомъ Черноморскій флотъ учелъ моментъ, и сталъ грозной боевой единицей, сталъ той боевой единицей, съ которой должны были считаться всѣ, которые хотѣли бороться за старый, ненавистный намъ режимъ. Теперь очередная задача Черноморскаго флота выражается краткими словами: мы хотимъ дойти до Учредительнаго Собранія, а тамъ въ Учредительномъ Собраніи мы желаемъ провести широкую демократическую республику (аплодисменты).

Матросъ Баткинъ. Отъ Черноморскаго флота, того флота, о которомъ, какъ сегодня сказалъ намъ Министръ Земледѣлія, нѣкоторые говорили съ горлостью, а нѣкоторые съ дрожью и боязнью, отъ флота не его величества, а флота ея величества русской революціи, отъ этого флота, отъ гарнизона и рабочихъ, отъ гражданъ Севастополя и отъ его торговаго флота мы привезли низкій привѣтъ мозгу Россіи, мы пріѣхали сказать, какъ мы тамъ живемъ, мы пріѣхали спросить пріемлимо ли то, чѣмъ мы дышемъ здѣсь въ этомъ Петроградѣ. Какъ же живемъ мы въ Севастополѣ, какіе лозунги, какіе идеалы волнуютъ наши сердца. Сердца наши волнуетъ борьба рабочаго класса съ капитали-

стами. Если вы возьмете какого угодно матроса изъ глубины, независимо отъ его политическихъ взглядовъ, независимо отъ его воспитанья и независимо отъ того, что онъ не грамотенъ, онъ скажетъ: я не забуду никогда роли русскаго рабочаго въ дни русской революции, я не забуду никогда роли русскаго, какъ рабочій, пренебрегая всѣмъ личнымъ, шелъ грудью своею для защиты дѣла народа, и этого рабочаго, я, матросъ, всѣми имѣющимися у меня средствами до послѣдней капли крови поддержу (аплодисменты). Я — скажетъ вамъ каждый матросъ, солдатъ, офицеръ, рабочій, знаю, какою и чьею кровью орошена русская земля, знаю, кто долженъ быть ея хозяиномъ и никто, пока мы живы, не возьметъ ея, — русская земля будетъ и должна принадлежать хозяину ея, который, по нашему, только одинъ — хозяинъ этотъ — трудовое крестьянство. (Аплодисменты). Ему мы эту землю отдадимъ и всѣми силами, всѣмъ своимъ существомъ, это право хозяина русской земли на эту землю, мы будемъ защищать. Но сейчасъ сердце Черноморскаго флота наряду съ этимъ вопросомъ и въ гораздо большей мѣрѣ волнуетъ вопросъ: укрѣплена ли свобода. И хотъ, мнѣ кажется, что мы должны съ открытой и ясной душой сказать, что въ эту минуту свобода еще не укрѣплена, но что каждый шагъ, каждое движеніе и каждый жестъ приближаютъ насъ къ тому моменту, когда мы скажемъ: о, теперь никто не страшенъ свободной Россіи. Къ этому моменту мы подходимъ, но этого момента сейчасъ еще нѣтъ. Сейчасъ у насъ два врага — врагъ внутренній и врагъ внѣшній. Врагъ внутренній намъ не опасенъ, потому что большинство нашихъ внутреннихъ враговъ — убѣжденные люди, идейные наши противники, которымъ мы предоставимъ культурные способы борьбы и пройдемъ мимо крикливыхъ людей и на ихъ безотвѣтственныхъ выкрикахъ мы не остановимся (аплодисменты). Я повторяю, внутренній врагъ намъ не страшенъ. И я говорю: нашъ Севастополь съ большимъ удовольствіемъ ждетъ всѣхъ представителей, всѣхъ существующихъ политическихъ теченій для того, чтобы вступить съ ними въ такую борьбу, какая достойна свободныхъ гражданъ (аплодисменты). Но есть у насъ врагъ пострашнѣе, врагъ посильнѣе, который угрожаетъ не только намъ, какъ таковымъ, какъ людямъ, нѣтъ, но который угрожаетъ и нашему потомству, потому что онъ, отнимая

воздух у насъ, наше, поколѣніе, которое не забыло еще времена Николая I и Николая II, если ему удастся развить насъ, возвратить къ этому времени и еще въ худшій міръ. Поэтому наша обязанность сказать,—пока мы живы возврата къ стр[illegible]му быть не должно (аплодисменты). Какъ же это сдѣлать? Отвѣть простъ и ясенъ. Не допустить внѣшнему врагу разорить русскую землю (аплодисменты). Для того мы, русскіе, живемъ, мы это ясно и опредѣленно сказали, мы сказали, что земля наша священна и что чужихъ земель Россіи не нужно (аплодисменты). Мы сказали, что въ нѣдрахъ нашей родной земли есть богатства, которыя удовлетворятъ всю Россію — поэтому мы не хотимъ порабощать въ какомъ смыслѣ другіе народы. Мы сказали, что тотъ, кто 300 лѣтъ гнулъ подъ игомъ деспотизма, тотъ, кто порабощался царской властью, тотъ поработить никого никогда не сможетъ. Значитъ, мы можемъ опредѣленно сказать: воинъ, мы, Россія, чужого не хотимъ! Но матросы Черноморскаго флота, какъ отецъ честь[illegible]къ, и мнѣ кажется, вмѣстѣ съ ними вся Россія не зависимо отъ убѣжденій и отъ положеній, привязанъ къ этой фразѣ громкими, мощными буквами и будетъ защищать до послѣдняго—нѣ своего мы никому, мы никогда не отдадимъ (аплодисменты). Каждый матросъ, каждый офицеръ, каждый солдатъ и рабочій Черноморскаго флота знаетъ, что война намъ навязана. Мы знаемъ, въ чемъ интересахъ эта война и знаемъ, сколько сиротъ, сколько вдовъ, сколько крови пролито. Но съ того момента—а [illegible]тъ момента, къ несчастію, наступилъ, потому что война связалась всѣмъ понятнымъ для насъ—съ того момента, какъ въ нашу родную землю вступилъ врагъ, съ этой минуты мы должны отнестись съ особенной серьезностью. Мы не можемъ забыть тѣхъ, кто [illegible] съ нами на [illegible] братъ съ нами кровь, что они намъ чужіе,—чтобы, имѣя, [illegible]ить кровь, имѣя, напримѣръ, [illegible] съ нимъ, которая говоритъ: за нашу свободу, за свободу [illegible], если мы [illegible], не [illegible] любимъ, мы [illegible] мы [illegible], [illegible] и т. д. (другіе [illegible]), а если [illegible] то [illegible] и [illegible] [illegible] сказали, что [illegible] мира Россія не [illegible] (аплодисменты) [illegible] Черноморскій флотъ—[illegible] можно повернуть, за сло

вами его есть великія заслуги, его помнитъ и его не забудетъ вся Россія и его мощнымъ словамъ никто не повѣрить не можетъ... (Голосъ изъ публики: Да здравствуетъ Черноморскій флотъ — Ура... Аплодисменты Общее ура). Ему должны повѣрить, когда онъ говоритъ, что ни одинъ матросъ, ни одинъ офицеръ, ни одинъ солдатъ, ни одинъ рабочій не примкнетъ къ тѣмъ, кто будетъ его звать къ отдѣльному миру, потому что людей, зовущихъ къ этому, мы считаемъ измѣнниками, а съ измѣнниками намъ не по дорогѣ (аплодисменты). Разрѣшите мнѣ обратиться къ посламъ союзныхъ державъ (обращается по французски къ посламъ союзныхъ державъ, говоря, что русскій народъ никогда не заключитъ сепаратнаго мира). И отвергая этотъ отдѣльный сепаратный миръ, мы этимъ самымъ даемъ обязательство активно помогать (аплодисменты). Что значитъ активно помогать?

Это съ нашей точки зрѣнія значитъ, что когда вся сила германцевъ переброшена на западный фронтъ, чтобы безпощадно уничтожить тѣхъ, кого мы только что называли братьями, то нашей святой обязанностью, какъ честныхъ гражданъ великаго свободнаго государства, ударить на тѣхъ, кто убиваетъ нашихъ братьевъ (Аплодисменты). И вотъ, для такого наступленія наша армія должна быть готова. Но, товарищи, армія безъ дисциплины, хотя и вооруженная, не является твердой силой, это есть толпа, никому не внушающая никакихъ опасеній, и вотъ этому доказательство. У насъ сколько лѣтъ была, казалось, сильная дисциплина, солдатъ били и въ карцеръ сажали и разстрѣливали, и вы видите, какъ сразу пала эта дисциплина. Но почему? Потому что это была безчеловѣчная дисциплина, при которой невозможно было ни взаимное пониманіе, ни взаимное довѣріе. Мы же должны создать другую дисциплину — сознательную, желѣзную дисциплину, которая создастъ намъ такія революціонныя войска, которыя ничего чужого не возьмутъ, но и никогда ничего захваченнаго у Россіи не отдадутъ. Если армія построенная на власти, армія, гнившая во мракѣ Россіи, не проиграла войны, то революціонная армія великой свободной Россіи, своей свободы не отдастъ. (Бурные аплодисменты). И то, что говорю я вамъ сейчасъ, скажетъ вамъ всякій матросъ, который можетъ быть меньше моего получилъ образованіе, но который мыслитъ такъ же, какъ и я и

чувствуетъ то же самое. Онъ скажетъ это съ увлеченіемъ, потому что эти мысли были навѣяны нашимъ матросамъ не фразами, не словами, а дѣйствительнымъ переживаніемъ настоящаго положенія. И каждый матросъ, каждый солдатъ и офицеръ—истинные сыны свободной Россіи и кровь его же братьевъ проливалась за свободу его родины. Каждый гражданинъ Россіи чувствуетъ сейчасъ и знаетъ, что онъ безъ этой свободы не можетъ жить, и поэтому, мы, представители черноморскаго флота, можемъ прямо сказать, что въ тотъ моментъ, когда и измѣнническая часть Россіи—мы въ эту возможность не вѣримъ, но если бы настала моментъ, когда благодаря этой измѣнической части Россіи свобода была бы отнята назадъ, когда та земля, которая въ 1917 г. казалась уже была въ рукахъ хозяина ея, крестьянина, и была снова готова для того, чтобы море крови за нее пролилось, если наступитъ такой моментъ, черноморскій флотъ не моргнувъ взорветъ себя и потопитъ себя въ Черномъ морѣ, но въ порабощенномъ государствѣ онъ не сможетъ жить. Что же надо для того, чтобы не наступилъ такой моментъ, которого боится каждый честный, любящій Россію человѣкъ? Для этого нужно только одно—единеніе. Нужно, чтобы на фронтѣ было полное взаимное пониманіе, и если тамъ-нибудь офицеры еще не поняли солдатъ, то пусть солдаты пойдутъ къ нимъ навстрѣчу. Если же въ русской арміи до сихъ поръ остались офицеры, которые смотрятъ на солдатъ, какъ на скотину, то мы скажемъ имъ, уберайтесь отсюда вонъ, вамъ здѣсь нечего дѣлать. Пусть офицеры и солдаты составятъ одну семью, но кромѣ единенія на фронтѣ надо еще единеніе въ тылу. Товарищи, несмотря на то, что я интеллигентный человѣкъ, но на мнѣ одѣта матросская куртка, и будучи матросомъ, я все-таки имѣлъ право получить образованіе, но все-таки я принадлежу къ пролетарской семьѣ и образованіе свое я получилъ, служа коегаромъ на пароходѣ, и вотъ, разговаривая съ капиталистами богатыми, я имъ сказалъ: меня не смущаетъ то, что я васъ здѣсь вижу, я иду для борьбы съ вами, для борьбы культурной, организованной, но если вы признали мой лозунгъ, который я начертилъ на моемъ знамени—демократическая республика и скорѣйшій созывъ Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго голосованія, то я вамъ скажу,

товарищи, дайте руку и пойдемъ къ этой цѣли вмѣстѣ (апплодисменты), а потомъ уже мы рабочіе пойдемъ въ одну сторону, а тѣ, кто побогаче въ другую, и мы вступимъ въ борьбу, въ организованную борьбу, которая не можетъ не завершиться побѣдой рабочаго класса. Пусть сейчасъ въ тылу существуютъ политическія партіи, пусть проповѣдуютъ разныя идеи, но пусть въ одномъ отношеніи подъ лозунгомъ спасенія свободной Россіи они дадутъ другъ другу руки и забудутъ къ какой партіи они принадлежатъ. Потому что, товарищи, сила Россіи въ единеніи демократіи и гибель ея въ раздѣленіи этой демократіи. И вотъ находящіеся въ тылу должны сказать: для защиты родины мы всѣ братья предлагаю, товарищи, привѣтствовать прибывшую сюда бабушку русской революціи Брешко-Брешковскую. Теперь, кончая свою рѣчь, я хочу сказать, что всѣ прежде всего должны объединяться, что здѣсь въ тылу должны забыть старые споры. Пусть тѣ, кто побогаче, дадутъ деньги на заемъ свободы, пусть солдаты идутъ въ армію, а рабочіе къ своимъ станкамъ. Дайте арміи хлѣбъ и деньги, и тогда она пойдетъ впередъ, тогда близокъ будетъ тотъ моментъ, когда рабочіе получатъ возможность объединяться и бороться. Тогда крестьяне получатъ землю и волю и когда всѣ граждане Россіи скажутъ, теперь свобода закрѣплена такъ, что никто никогда, никакими усиліями ее у насъ не отниметъ. (Бурные апплодисменты) (Да здравствуетъ многія лѣта и слава Черноморскимъ героямъ) (Апплодисменты) (Да здравствуетъ многія лѣта и слава тѣмъ, кто имъ на помощь пойдетъ) (Апплодисменты).

Е. Г. Брешко-Брешковская. („Бабушка русской революціи"). Граждане-солдаты, крестьяне и прочіе мирные граждане, кланяюсь вамъ и привѣтствую васъ. Я не стану вамъ говорить о томъ, въ чемъ заключается вашъ долгъ, какъ воиновъ и моряковъ - защитниковъ отечества. Это вы и сами знаете, во-первыхъ, а во-вторыхъ товарищи ваши вамъ объ этомъ говорили и будутъ говорить. А говорить они будутъ то, что и я думаю и о чемъ прошу васъ: граждане воины и граждане моряки, освободите насъ скорѣе отъ врага внѣшняго. Съ этимъ вопросомъ покончено, потому что вы сами знаете, что это необходимо. Теперь позвольте мнѣ, какъ человѣку, который знаетъ жизнь нашего государства, знаетъ, чего ждетъ нашъ народъ и что ему нужно

Позвольте вамъ сказать, почему я, старуха, казалось бы желающая мира и благоденствія, почему я такъ убѣдительно прошу васъ, ради Бога, развяжите возможно скорѣй намъ, мирнымъ гражданамъ, руки. Идти сама на войну я не могу, хотя, если бы вы того потребовали, я сію же минуту готова итти, но у насъ здѣсь въ тылу другая задача, здѣсь осталось громадное хозяйство всей Россіи, всей необъятной Россіи, гдѣ остаются наши жены, матери, дѣти, дѣды и отцы и еще громадное количество людей, работающихъ на войну. Какъ намъ извѣстно, Россія главнымъ образомъ живетъ землей и тутъ то и надо установить порядокъ. Надо улучшать земледѣліе и увеличивать производительность земли, а что все это время плохо обрабатывали землю и производительность ея уменьшается, потому что рукъ нѣтъ, а тѣ, кто работаютъ, исключительно работаютъ на милліонныя наши войска. Слѣдовательно, хозяйство не только не улучшается, но ухудшается, несмотря на полученную нами свободу. Хозяйство не улучшается, несмотря на то, что многія земли, принадлежавшія раньше крупнымъ землевладѣльцамъ и удѣльному вѣдомству, захватываются теперь крестьянами въ пользу той же арміи. Производительность уменьшается отъ того, что рабочія руки въ арміи. И еще вотъ что я вамъ скажу: образованіе, которое такъ нужно народу, не только не идетъ впередъ, но оно уменьшается, потому что некому учить, учителей забрали на войну, число школъ уменьшилось, потому что крестьянамъ некогда строить школы, да и топлива на школы не хватаетъ; бумага такъ дорога, что книгъ и другихъ пособій не хватаетъ не только въ деревняхъ, но и въ городахъ. Однимъ словомъ, просвѣщеніе, о которомъ мы столько мечтали и за которое такъ долго боролись, не только не увеличивается, а уменьшается. А между тѣмъ всеобщая грамотность, всеобщее просвѣщеніе и умственное развитіе народа — вотъ, что всегда было цѣлью нашей борьбы, вотъ, за что мы боролись, не жалѣя своей жизни, и вотъ сейчасъ, получивъ свободу, мы все-таки не можемъ дать этого долго ждавшаго просвѣщенія народу, потому что у насъ связаны руки нашимъ громаднымъ фронтомъ. Этотъ фронтъ отнялъ у насъ сейчасъ свои большія руки, да и всѣхъ здѣсь въ тылу заставилъ на себя работать. Вотъ поэтому то и не можетъ распространяться просвѣщеніе и культура по нашей необъятной странѣ. Поэтому

скажите, развѣ не справедливо то, что мы просимъ, чтобы дружнымъ натискомъ войны наши прекратили эту войну, чтобы они развязали намъ руки и дали, наконецъ, возможность нашей великой странѣ получить не только хлѣбъ и одежду, но и просвѣщеніе. Безъ образованія, безъ просвѣщенія народъ мало-по-малу можетъ впасть въ прежнее ужасное положеніе. Развѣ вы не замѣчаете, какъ легко людей, умъ которыхъ не развитъ, не обогащенъ научными знаніями, какъ легко подбивать ихъ въ ту или другую сторону. Если вы бывали на здѣшнихъ митингахъ, то вы не могли не видѣть слѣдующей картины. Выходитъ ораторъ и говоритъ, что прежде всего надо просвѣщеніе — смѣются. Выходитъ другой и говоритъ: прежде всего надо взять въ руки власть и завладѣть всѣмъ, что есть въ Россіи — опять говоритъ, надо сейчасъ прекратить войну, во что бы то ни стало. Ему аплодируютъ, а другой говоритъ: надо заканчивать смѣлымъ ударомъ войну, и ему тоже аплодируютъ. Друзья мои, это возможно только въ такой странѣ, гдѣ люди плохо разбираются въ томъ, чего они хотятъ, гдѣ каждый гражданинъ не имѣетъ своего собственнаго взгляда, своего мнѣнія и убѣжденій. Друзья мои, для того, чтобы Россія смогла уберечь свою демократическую республику, свою свободу, для этого надо уважать законъ и порядокъ, а для этого Россіи нужно просвѣщеніе. Когда мы говоримъ о землѣ, о томъ, что вся земля должна принадлежать народу, то и тутъ просвѣщенный человѣкъ знаетъ, на какихъ условіяхъ и въ какомъ порядкѣ можно передать народу эту землю, чтобы она не только черезъ 10, но и черезъ 100 лѣтъ осталась въ рукахъ этого народа. Если просвѣщенный человѣкъ скажетъ, намъ нужны науки, нужны искусства народныя, нужны всесторонніе знанія, то онъ и будетъ этого держаться и настаивать на этомъ.

Вотъ теперь, когда была я въ Москвѣ, тамъ нашъ просвѣщенный педагогъ Вахтеровъ и множество учителей сельскихъ, съѣхавшихся туда, установили общество, подъ названіемъ: Походъ противъ неграмотности. Оказывается, граждане, что у насъ 80% населенія неграмотно. Женщины почти всѣ неграмотны, а развѣ неграмотная женщина въ состояніи учить своихъ дѣтей такъ слѣдуетъ быть. Нѣтъ, не въ состояніи. Развѣ неграмотная женщина въ состояніи воспользоваться тѣмъ правомъ, которое ей теперь предоставляется нѣтъ. Не

въ состояніи. Такъ и неграмотный мужчина можетъ
быть поставленъ въ затрудненіе просто потому, что
[illegible] о положеніи вещей
[illegible] никогда не
[illegible] представленіе пре-
[illegible] только
[illegible]. Здѣсь, напримѣръ, я изучала исторію
[illegible], и въ Германіи, и въ Англіи и въ Фран-
ціи я всегда слѣдила за тѣмъ, какъ идетъ тамъ умствен-
[illegible] и какъ идетъ тамъ направленіе политики
въ экономическомъ состояніи народа. Я всегда слѣдила
и за тѣмъ, что совершается въ Америкѣ, потому что
[illegible] въ ней вліяніемъ можетъ
[illegible] и на нашу сторону. Гр-
[illegible] что Японія будетъ
[illegible] Китая дѣлать. И это надо
[illegible] только
[illegible] но суть въ сопоставленіи того, что
[illegible] можетъ явиться, по русски говорятъ
[illegible] отношеній одного народа къ дру-
[illegible] въ такой большой книгѣ
[illegible] что трудно
[illegible] теперь какъ-то ни
[illegible] сейчасъ
[illegible] не время, по есть об-
[illegible] современной мирной Европейской, то
[illegible] въ нашей Россіи. Кто
[illegible] Японіи, Китай и Персію, которое
[illegible] — про-
[illegible] Англію и т. д. Я
[illegible] съ нимъ
[illegible] послѣ поѣздки по сво-
[illegible] и монархіямъ. Я
[illegible] во Франціи, с
[illegible] Китай. Китай по-
[illegible] Тамъ, съ нимъ
[illegible]

тили мнѣ; что съ республикой, потому что сами вы добились теперь и отстаиваете республиканскій образъ правленія и вы съ нимъ ни за что не захотите разстаться, когда увидите, какое велико благо можно извлечь изъ этого образа правленія. Поэтому то мы и говоримъ, и я, старуха, говорю, что намъ надо поступить такъ, чтобы остаться въ дружбѣ со всѣми, чтобы не нарушать нашей чести, не нарушать данныхъ словъ, не нарушать цѣлости нашей страны— вы вѣдь знаете, что вся сѣверная Америка можетъ и на востокъ могутъ страну обширную, если мы [illegible] Я люблю свое отечество, я люблю свой народъ [illegible] и я не хочу, что [illegible] его свободы [illegible] Крымъ [illegible] Синопъ, эту прекрасную [illegible] Богъ тому назадъ въ первый разъ [illegible] изъ Сибири, такъ что всего съ широтой [illegible] страна была прямо пустынь. Теперь тамъ [illegible] Значитъ это такой богатый, [illegible] русскимъ людямъ, чуть [illegible] во Россіи, отлично [illegible] [illegible] [illegible]

шимъ отношеніемъ, дружески отношеніемъ къ инородцамъ, пріобрѣсти ту дружбу, а сейчасъ ее на востокѣ у насъ нѣтъ. На западѣ у насъ есть пока друзья такіе, которыми я, какъ по крайней мѣрѣ, зная исторію человѣчества, зная исторію Европы, я горжусь (апплодисменты). Горжусь потому, что все, что есть у насъ въ Россіи свѣтлаго, хорошаго, разумнаго, свободнаго,— мы отъ нихъ взяли. Вѣдь Англія и Франція ужъ полторы тысячи лѣтъ тому назадъ боролись съ неправдой и выходили на путь свободы. А мы, какъ сами вы знаете, до вчерашняго дня не знали этой свободы. Такъ вотъ, я хочу сказать вамъ, граждане, само, что призывать васъ къ мужественному отстаиванію своей родины, я не стану, потому что знаю, что вы сами это вполнѣ понимаете. Но я хотѣлъ вамъ объяснить причины, почему это такъ необходимо, почему безъ вашей помощи, безъ вашего непосредственнаго дѣятельнаго и дѣйствующаго участія въ войнѣ мы останемся за штатомъ и не сможемъ развернуть свои всероссійскія гигантскія силы (апплодисменты).

Предсѣдатель. Въ честь мужественной защитницы земли русской, вѣстницы Бабушки Русской Революціи и отъ имени Черноморскаго флота предлагаю крикнуть могучее ура (апплодисменты, общее ура).

Румынскій подполковникъ Паласъ. Привѣтствую делегацію Черноморскаго флота, зная чувства, которыя питаютъ этимъ флотомъ, зная стремленія его къ побѣдоносному продолженію освободительной войны для общаго блага. Мы, какъ сосѣди Россіи на Черномъ морѣ, знакомы съ вашимъ мужествомъ. Черноморскій флотъ, и въ прежнихъ общихъ войнахъ нашихъ и въ ходѣ текущей войны, онъ всегда сражались рядомъ съ нашей дунайской флотиліей.

Посолъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ заявилъ, что Соединенные Штаты счастливы, что они находятся въ союзѣ со свободной Россіей. Мы вовлечены въ борьбу съ Германіей, которая является главнымъ врагомъ демократіи Европы (апплодисменты).

Германія пыталась убѣдить Америку, что Россія готова заключить съ Германіей сепаратный миръ. (Голоса: неправда. Мы этого не сдѣлаемъ).

Германія хотѣла убѣдить Америку, въ томъ, что

Россія желаетъ заключить сепаратный миръ для того, чтобы предупредить союзъ Америки съ Россіей Американскій посолъ телеграфировалъ правительству Американскихъ Штатовъ, что нѣтъ никакой опасности и что нельзя предполагать даже, что Россія заключитъ сепаратный миръ съ Германіей (апплодисменты).

Телеграмма имѣла тотъ результатъ, что правительство Сѣверо-американскихъ Штатовъ пришло къ убѣжденію, что оно можетъ продолжать во всемъ оказывать содѣйствіе Россіи, такъ какъ Россія не находится на пути къ сепаратному миру съ Германіей (апплодисменты).

Въ теченіе 24 часовъ Америка доказала, что она желаетъ идти на встрѣчу Россіи тѣмъ, что она предоставила ей кредитъ въ 350 милліоновъ для оплаты разныхъ заказовъ военнаго снаряженія. Это является только началомъ той широкой финансовой помощи, которую Америка хочетъ оказывать Россіи (апплодисменты).

Американскій народъ такъ же какъ и русскій народъ противъ какихъ бы то ни было аннексій, но онъ также не можетъ возражать противъ того, чтобы были возстановлены и возвращены несправедливо захваченныя территоріи (апплодисменты).

Америка не хочетъ никакого приращенія своей территоріи. Она не хочетъ никакихъ контрибуцій и увеличенія своего финансоваго имущества (апплодисменты). Но тѣмъ не менѣе американскій народъ не возражаетъ противъ того, чтобы тѣ страны, которыя были разрушены Германіей, получили бы возможность возстановить всѣ свои потери (апплодисменты). Америка считаетъ, что эта война есть борьба за свободу человѣчества.

Представитель французской арміи. Съ радостнымъ чувствомъ патріотическаго волненія я сегодня отъ имени всѣхъ моихъ товарищей, которые сидятъ здѣсь, отъ имени французскихъ моряковъ приходу васъ привѣтствовать и вамъ выразить всѣ братскія чувства радости, которыя распространились по всей Франціи, когда мы узнали, что Россія, свергнувъ старыя оковы, гордо пошла по пути демократіи, который для нея указала ея вѣчная союзница Франція, когда 130 лѣтъ тому назадъ она положила первыя основы

великой свободы въ знаменитой декларации о правахъ
человѣка и гражданина. Но вотъ тотъ самый часъ, когда
императоръ Александръ, въ тотъ самый часъ, когда онъ
готовился возстановить независимость народовъ, въ
Аустерлицѣ въ тотъ самый часъ, когда наши
войска были въ тотъ часъ, когда мы имѣемъ
честь на полѣ сраженія, я не могу не вспомнить
объ особой милости Императора, которую онъ
теперь [illegible] въ Александрійскомъ гу[illegible]
[illegible] мои дѣти, они тамъ, далеко". И прибавилъ:
[illegible] теперь отецъ далеко. Я могу принять уча-
[illegible] въ вашей радости, но все таки мои дѣти далеко,
[illegible] теперь въ опасности, во Франціи, они тамъ, въ
[illegible] они имѣютъ отца съ французскими и англій-
скими солдатами, которые сражаются во Франціи и въ
Испанской освященной арміи. Она тамъ, гдѣ въ ро-
[illegible] городахъ и въ развалинахъ деревень [illegible]
[illegible] ужасные нѣмцы отступаютъ, не оставляя
[illegible] камня, и можетъ быть въ этотъ самый часъ,
мы [illegible] здѣсь, можетъ быть какой нибудь фран-
[illegible] солдатъ, которыя читаетъ газету въ окопахъ,
[illegible] подъ звуки пушечной канонады нетерпѣливо ча-
стаетъ, когда придетъ братская помощь Россіи. Неужели
такая надежда его обманетъ, неужели русская помощь
не придетъ. Нѣтъ, нѣтъ, она придетъ (Голоса: придетъ,
придетъ! Она придетъ, мы вѣримъ французамъ, знаемъ, что
Россія не хочетъ потерять свою свободу, мы знаемъ,
что она можетъ спасти своихъ враговъ и добле-
стнаго союзника, съ такимъ чувствомъ отвѣчаю я
[illegible] сказалъ, вслѣдъ за тѣмъ, что мы имѣ-
[illegible] что для русской свободы необходимо [illegible]
[illegible] братскаго сочувствія, что мы знаемъ, что не воз-
[illegible] въ Европѣ будетъ спокойной, пока не будетъ до-
[illegible] свобода, пока нѣтъ въ Европѣ и въ Германіи
[illegible] политики, и что мы знаемъ, что мы должны
[illegible] быть самые враговъ, которые сражались съ на-
[illegible] и разбросанными силами, съ нѣмцами и австрій-
цами, которые тѣмъ дали отпоръ своими силами. Мо-
[illegible] Черноморскаго флота и вы, матросы и рабочіе
[illegible] столицы, пойдите и скажите нашимъ товарищамъ
[illegible] и солдатамъ, что знаютъ, что наши сол-
[illegible] англійскіе и французскіе, которые уже два
[illegible] были, какъ лѣтомъ пушечный [illegible]

приняли на себя ударъ врагамъ, и позволяли имъ безопасно сдѣлать всю революцію и ор[illegible] вашу свободу (аппл.). Скажите, что нашъ [illegible] съ ветеранiемъ жлутъ подлерзки от[illegible] такой же подлерзки, которую они имъ дали сдѣлать настуиленiемъ на Восточную Пруссiю [illegible] были на Марнѣ, такой силы, которая [illegible] въ то время. Пойдите, скажите имъ, что они [illegible] вѣнъ солдатамъ, которые покрыли себя [illegible] подъ Верденомъ. Пойдите, скажите имъ, что [illegible] говоръ прошло, что теперь [illegible] наступать (Голоса: пора). Пора [illegible] славой войну и на всѣхъ укрѣпить [illegible] народовъ, но нужно горячiе, потому что, [illegible] вѣнъ революцiонный подъ [illegible] кисть, ерiнъ уже близокъ, [illegible] освѣщу, поэтъ уже близко, [illegible] и съ подъемъ не забывайте этого [illegible] здравствуетъ подъ да здравствуетъ [illegible]

Голоса. Да здравствуетъ великая [illegible] ура! Да здравствуетъ французскiй [illegible]

Предсѣдатель. За французскiй свободный народъ. Ура! Слово предоставляется [illegible] ской арміи профессору Пэрсъ.

Пэрсъ. Мы шлемъ самый горячiй [illegible] привѣтъ славному черноморскому [illegible] нашъ морской народъ понимаетъ ту [illegible] которую нашъ флотъ исполняетъ [illegible] насъ и у насъ. Все это дѣлается [illegible] сознанiя, что дружба мери, это есть [illegible] И вы приближаетесь къ тому часу, [illegible] и нашъ флотъ вмѣстѣ будутъ [illegible] тагами, полными плодами нашъ [illegible] Позвольте, товарищи, еще [illegible] свободѣ. (Голоса: просимъ!). Свобода это [illegible] дѣйствительно все значитъ въ этой [illegible] это есть война за обезпеченiе [illegible] нахъ. Были ли когда нибудь [illegible] ресы сильныхъ всего мiра? Это было у насъ, это было всюду, во всѣхъ [illegible] дѣльные люди, которые преслѣдуютъ [illegible] этой войнѣ и для васъ, и для [illegible] что [illegible]

свободу міра? Этотъ человѣкъ, онъ одинаково и въ Англіи, и въ Россіи получитъ достойный отвѣтъ: у насъ въ нашей странѣ пошли на это дѣло по своей волѣ 3 милліона волонтеровъ. Думаете ли вы, что такой подъемъ можетъ быть ради интересовъ какихъ-либо лицъ, какихъ либо кооперацій. Кто это скажетъ въ Англіи, я не знаю, что съ нимъ будутъ дѣлать, потому, что это есть время самаго лучшаго порыва, который былъ у насъ въ теченіе нашей исторіи, и если вамъ скажутъ, что Англія интересуется этой войной насчетъ какихъ либо капиталовъ, пожалуйста, прошу васъ, братья, отвѣтить имъ, что отъ насъ пошло 3 милліона добровольныхъ волонтеровъ. Эта война для насъ тоже освободительная, какъ вамъ извѣстно, товарищи, что принципъ свободы это есть принципъ, который постоянно растетъ и расширяется, и въ теченіе войны мы чувствуемъ, что мы вступили въ войну за свободу, мы это въ Англіи чувствуемъ, у себя. Если теперь такъ далеко отъ французскаго фронта пойдутъ наши колонисты изъ Канады, изъ Южной Америки и наши сограждане изъ далекой Индіи, если они намъ даютъ свою жизнь добровольно, если силы Англіи напряжены однимъ общимъ усиліемъ, чтобы эта народная война была выиграна въ пользу всѣхъ народовъ, если наши женщины именно на этой войнѣ показали, что они никакъ не хуже мужчинъ, даже въ дѣлѣ войны (аппл.), если все это совершилось, это значитъ, что всѣ проникнуты чувствомъ и убѣжденіемъ, что для всѣхъ есть свобода, и что свобода расширяется все дальше и дальше у насъ, въ самыхъ предѣлахъ британской имперіи. (Голосъ: да здравствуетъ англійская армія! Ура! Голосъ: да здравствуетъ англійская женщина! Ура). И теперь во время этой освободительной войны для васъ совершилось одно изъ самыхъ крупныхъ событій—дѣло вашей революціи, въ теченіе этой войны сдѣлалось то, что было неизбѣжнымъ результатомъ освободительной войны, и поэтому мы, англичане, теперь видимъ, что если въ прошломъ русско-англійскій союзъ имѣлъ отрицательную задачу—мѣшать Германіи порабощать міръ, теперь предстоитъ народу русскому и народу англійскому работать на положительную задачу, задачу созданія мира и благополучія Европы, самаго тѣснаго, полнаго пониманія связи и братства. (аппл.), Еще, товарищи, слово. Свобода есть у насъ, свобода есть у васъ, остается, не правда-ли, товарищи, еще

свобода для тѣхъ народовъ которые не освобождены (Голоса: правильно, браво). Мы боремся, вы боретесь за права національностей, за самоопредѣленіе народовъ, чтобы народы могли, по словамъ американскаго посла, „жить своей спокойной жизнью для блага своего и другихъ". Мало того, и вы, и мы въ теченіе этой войны обѣщали свободу, обѣщали бельгійцамъ, обѣщали сербамъ, обѣщали, и это было дѣло, которое больше всего ваше дѣло, вы обѣщали свободу полякамъ, всѣмъ народностямъ, которые еще не освобождены. А теперь, что съ ними случается? Бельгійцы лежатъ подъ самымъ тяжелымъ нѣмецкимъ игомъ, а развѣ германцы, когда они братаются съ вами или съ нами, предварительно отходятъ изъ Бельгіи, развѣ они братаются съ бельгійцами (аппл., голоса: браво). А Польша, этотъ народъ также ждетъ отъ васъ свободы, у меня есть даже отъ вчерашняго дня свѣдѣнія насчетъ судьбы поляковъ подъ нѣмецкимъ игомъ, они тамъ берутъ все, что есть подъ видомъ реквизиціи. Развѣ это братаніе? (Голоса: браво). А еще сербы. Это война началась противъ сербовъ нахальнымъ наступленіемъ непріятельскихъ державъ противъ маленькой Сербіи. А теперь какъ будто бы довольно милосердымъ австрійскимъ писателемъ сказано: „жаль что такой доблестный народъ долженъ быть сметенъ съ лица земли. (Голоса: нѣтъ, нѣтъ). Отъ васъ и отъ насъ уже были такія жертвы, что мы не можемъ докончить это дѣло безъ того, чтобы мы сознали въ себѣ, что мы совершили ту задачу, которую начали. Подъ натискомъ германской тяжелой артиллеріи, когда у нихъ былъ металлъ, а у насъ были люди, погибало множество благородныхъ людей, которые не роптали,—русскій солдатъ не ропщетъ, они дали свою жизнь съ досадой, потому что они не имѣли возможности показать, что духъ еще сильнѣе металла, — но дали жизнь безъ ропота, и у насъ то же самое. И я думаю, что только послѣ войны будетъ извѣстно и вамъ, и всѣмъ, какая есть громадная сумма всѣхъ этихъ пожертвованій. Они пали, они пали, многіе изъ нихъ не дожили до освобожденія родины, но по моему глубокому убѣжденію, мы не имѣемъ права окончить эту войны безъ того, чтобы мы смотрѣли такъ, что всѣ эти драгоцѣнныя жертвы были даны за прочный и вѣрный миръ (аппл.). Господинъ французскій адмиралъ окончилъ свою рѣчь самыми красивыми словами Марсельезы, и въ особенности тѣми словами, которыя были

него самыми послѣдними: „Мы обѣщали дѣлить ихъ судьбу или совершить ихъ залогу", и я прошу васъ, товарищи, въ память всѣхъ тѣхъ, которые уже въ этой войнѣ пали за освобожденіе почтить ихъ вставаніемъ.

Предсѣдатель. Просятъ почтить память павшихъ героевъ за свободу вставаніемъ. Представителю англійской націи ура! Товарищи, за того, за кѣмъ русскій революціонный флотъ, за того, за кѣмъ русская революціонная армія, закрывъ глаза, не моргнувши, пойдетъ по одному только зову умереть — я министра военнаго и морского Керенскаго!

Военный и морской министръ Керенскій. Товарищи, волею русскаго революціоннаго народа и волею временнаго правительства я взялъ на себя непосильныя для моихъ человѣческихъ плечъ обязанности стать русскую армію и флотъ къ побѣдоносному и завершенію всего, что добыла русская кровь въ борьбѣ со старымъ режимомъ, въ борьбѣ съ царизмомъ (апл.). Русскій народъ получилъ право на полную волю и на землю. И русская армія, и флотъ, состоящіе главнымъ образомъ изъ людей, которые своими мозолистыми руками добывали себѣ хлѣбъ, свой хлѣбъ на своихъ вѣковыхъ клочкахъ земли, они получили право быть гражданами своей страны. Русская демократія отныне занимаетъ первое мѣсто въ средѣ демократій всего міра, и армія и флотъ обязаны выполнить свой долгъ, который они выполняли до сихъ поръ съ величайшимъ героизмомъ такъ, чтобы міръ понялъ, какой идеи, которымъ они служатъ, они создаютъ изъ арміи и флота силу желѣзную въ своей непобѣдимости и по своей дисциплинѣ (бурные апл.). Вольные граждане, я пріѣхалъ сюда, чтобы отъ имени временнаго правительства принести низкій поклонъ и привѣтъ русской арміи и флоту, всѣмъ, кто стоитъ въ рядахъ русскаго вооруженнаго народа, безъ исключенія. Для меня всѣ равны, и нѣтъ въ арміи и во флотѣ никого, чье бы человѣческое достоинство я не сталъ защищать всей силой моей власти и всей силой моего авторитета (бурные апплодисменты. Голоса: спасибо). Я получилъ право производить въ офицерскіе чины солдатъ и матросовъ, которые по существу будутъ заслуживать этого званія, несмотря на могущія быть формальныя препятствія. Я счи-

плины въ арміи и флотѣ, построенной на взаимномъ
уваженіи, довѣріи и признаніи честныхъ нуждъ и
каждымъ, какъ солдатомъ, такъ и офицеромъ. (голоса
браво). Солдаты и офицеры, я призываю къ вамъ, прошу
школу работы въ революціонной партіи, и мы имѣемъ при-
мѣры, какъ каждый выполнялъ то, что ему предлагается от-
дѣльною волей партіи, и всею тѣхъ силъ, которые
сосредоточивала всѣ силы революціонной партіи. Мы
призываемъ къ вамъ изъ тюрьмы, которая сильна нрав-
ственной дисциплиной, и мы всѣ должны помнить, что
дисциплина не есть слѣпое, а то есть сознательное,
основанное на сознаніи великихъ задачъ и на строгомъ
исполненіи съ своей и съ чужой совѣстью
(голоса: браво). Пока я военный и морской ми-
нистръ, никто и никогда не будетъ имѣть власть ремо-
лировать законы. Никакая военная сила не будетъ на-
правлена противъ воли народа, она только будетъ за-
щищать народную волю, до тѣхъ поръ, пока мы при-
(голоса: браво). Мы имѣемъ право сказать съ гордо-
стью, мы имѣемъ съ вами гордость не потому, что мы
сильны, а потому, что мы слишкомъ вѣримъ въ свои
силы, и мы внесемъ этотъ новый строй внутрь страны
и въ Европу, какой мы достигнемъ въ согласіи съ на-
шими союзниками. Пусть каждый знаетъ, что русскій
народъ, уничтоживъ свою тяжелую рану — проклятый
царизмъ, сдѣлалъ это для того, чтобы сильнѣе быть, но и
за это онъ будетъ всѣми силами защищать и народъ
будетъ, который внутри своей страны и въ мірѣ внесетъ
только миръ и справедливость (апплодисменты). Солдаты и
матросы, есть русскій революціонный кодексъ, все пре-
ступленіе, которое онъ совершаетъ, идетъ къ вамъ
и объявляется въ ваше распоряженіе, и я увѣренъ, что
нашими силами мы сломимъ и уничтожимъ старую
отсталую въ странѣ, имѣетъ съ тѣми мы имѣемъ сами
враждебный строй существовать сидѣть у своей границы.
который сидѣть не только здѣсь, и который помо-
жетъ, какъ онъ это нужно сдѣлать и чѣмъ помо-
которыми мы себѣ поставили (апплодисменты). Сво-
ружіемъ, что всегда имѣть тяжело, это стра-
ной можно найти рѣзкими мѣрами, для ог-
ны отъ выполненія своихъ обязанностей. Пусть ни-
то не думаетъ сказать, что кто имѣетъ въ арміи
ность, начиная съ министра и генералъ-адъютанта и

гомъ отдать свою жизнь во имя торжества свѣтлыхъ идей (аплодисменты, браво).

Затѣмъ, я скажу одно: въ настоящее время мы переживаемъ самую страшную эпоху русской исторіи. Каждый изъ насъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ и придѣлѣ, нужно найти въ своей душѣ тотъ желѣзный законъ долга, который долженъ создать изъ насъ націю великую не своими физическими силами, не обширностью своихъ территорій, а націю великую своими моральными силами, силой своего единенія и силой своихъ идеаловъ, которымъ будетъ служить государство (голоса: браво. Аплодисменты). Приливъ всѣхъ во имя революціи, торжества новаго режима, къ самой энергичной творческой работѣ и, граждане, только при поддержкѣ всей страны, армія и флотъ выполнятъ свой великій долгъ, долгъ безпрекословно и спокойно умереть во имя ближнихъ, во имя цѣлаго, во имя государства. Создайте условія, при которыхъ работа наша на фронтѣ будетъ работой радостной, работой озаренной свѣтомъ любви и свѣтомъ великаго уваженія къ человѣку и къ труду (бурные аплодисменты. Браво. Голосъ: Да здравствуетъ Временное Правительство. Голоса: Ура. Аплодисменты. Голосъ: Да здравствуетъ новый военный министръ Керенскій. Аплодисменты. Ура.

Предсѣдатель. Слово предоставляется посланнику дружественной намъ Сербіи.

Посланникъ Сербіи. (бурные аплодисменты, овація и крики ура). Братья, мы, сербы, пришли сюда привѣтствовать вашихъ доблестныхъ черногорцевъ, нашихъ вѣрныхъ друзей и братьевъ. (крики ура и аплодисменты). Мы пришли также сказать вамъ простое братское слово за общее съ вами наше горе. Вотъ въ чемъ оно, весь сербскій народъ братья, вѣритъ и продолжаетъ вѣрить въ величіе братскаго русскаго народа, въ его рыцарство, въ его честь. Для насъ Сербіи эта вѣра была, какъ вѣра въ Господа Бога. Да, мы вѣрили и еще вѣримъ въ Россію, какъ въ Господа Бога. Только этою вѣрою и можно объяснить тотъ героизмъ, то самопожертвованіе, то мужество сербскаго народа въ этой ужасной борьбѣ, которую сербскій народъ ведетъ уже 5 лѣтъ, да 5 лѣтъ, потому что мы начали борьбу уже въ 1912 г. Гг., и врагу не удалось сломить этой вѣры, не удалось сломить этого мужества сербскаго народа, ему не удалось именно сломить [illegible] вѣру. вѣру сербовъ въ братскую

Россію. Мы, гг., потеряли все, и территорію, и свободу, все, гг., потеряли, все, кромѣ чести. (Возгласы: да здравствуетъ Сербія, аплодисменты, крики: ура). Да, гг., дороже всего, дороже территоріи, дороже даже свободы это честь (аплодисменты.) (Голоса: правильно). И вы помните, гг., что случилось полтора, два года тому назадъ, вы помните, когда на маленькую Сербію бросились варварскія полчища германскія и австро-венгерскія и эти славянскіе измѣнники болгары, вы помните, гг., что тогда случилось съ маленькой сербской арміей. Она дралась, наступала, даже отступила со своей родной территоріи, покинула ее, офицеры и солдаты всѣ бросили свои семейства, своихъ дѣтей, своихъ женъ и отступили въ Албанію, въ эти дикія горы и тогда еще дрались до конца. И когда изъ Берлина и изъ Вѣны нѣмцы предлагали намъ въ 1915 г. въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, миръ, мы, сербы, отклонили, мы даже не хотѣли отвѣтить на такое предложеніе. (бурные аплодисменты, крики ура). Да, гг., для насъ только существовала одна идея, одно чувство, это чувство долга, чувство свободныхъ людей къ долгу и къ своей родинѣ, чувство къ своимъ друзьямъ, братьямъ и союзникамъ. Тогда, когда намъ предлагали миръ, для насъ только существовала одна мысль, одно чувство — остаться вѣрными, лойяльными со своими братьями русскими, а потомъ съ остальными союзниками. (бурные аплодисменты). Вотъ, гг., и теперь сколько насъ осталось, можно сосчитать по пальцамъ, тамъ на сербскомъ фронтѣ и все-таки нашъ девизъ, наше слово, это бороться, воевать до конца, до побѣды, не поддаваться врагу, быть свободнымъ, свободнымъ народомъ или умереть. И гордо и совѣстно (бурные аплодисменты, крики браво). Братья, никакія страданія, никакія испытанія никакія почести не могли сломить въ нашемъ сердцѣ чувства свободнаго человѣка, чувства къ долгу, чувства лойяльности, чувства вѣрности и братства къ брату, къ русскому человѣку и къ союзникамъ, никакія искушенія отъ врага отъ вражескихъ странъ, никакія предложенія мира не могли до сихъ поръ насъ поколебать, не могли сломать нашу вѣру въ васъ русскихъ, вѣру въ величіе въ рыцарскую честь русскаго народа. Врагу это не удалось, гг., но боться я гг. Гордо отвернулся отъ всего того, что слышалъ въ [illegible] слышалъ о томъ, что происходитъ на фронтѣ и что говорятъ, что происходитъ здѣсь въ тылу, я [illegible] и говорю себѣ, ну, что же, неужели то, что не

аплодисменты. Голоса: не позволить).

вить Сербію и дастъ ему ту свободу, ту территорію, на которую онъ всегда имѣлъ пра... (Громкое ура. Апплодисменты).

Бельгійскій министръ-соціалистъ. Вандервельде (рѣчь его въ переводѣ). „Первые друзья, только, что перешедшіе вами границу сербскій воинъ сказалъ, который говорилъ вамъ о народѣ мученикѣ,— о Сербіи. Я пріѣхалъ къ вамъ изъ далекой Бельгіи говорить вамъ о другомъ народѣ-мученикѣ, о Бельгіи. Я пришелъ къ вамъ для того, чтобы получить отъ вашего правительства заявленіе о томъ, что у насъ есть несокрушимый союзникъ, что не дадимъ умереть этимъ двумъ маленькимъ народамъ, этимъ двумъ мученикамъ — Сербіи и Бельгіи. Я былъ здѣсь уже разъ, былъ за нѣсколько недѣль до начала войны въ 1914 году, тогда я смотрѣлъ съ завистью и скорбью на великій русскій народъ, стоящій подъ знаменемъ царизма. Тогда вы были рабами, а Бельгія была свободна. Теперь, товарищи граждане, вы стали великимъ народомъ свободнаго міра, первымъ демократическимъ государствомъ, у которого нѣтъ такой свободы, какъ у васъ, а Германія развивается и имѣетъ у себя ни свободы ни демократіи. Передъ отъѣздомъ, мнѣ удалось было посѣтить Бельгію, но я отказался отъ ужасныхъ страданій, которыя пришлось бы испытать бельгійскому народу. Я слышалъ, что вы запрещаете, но я знаю, что не болѣе чѣмъ это сдѣлано, чѣмъ было запрещено Бельгіи до войны, которая хочетъ жить только въ мирѣ, которая желаетъ чтобы международное законодательство, которое изъ Франціи, Англіи, Россіи и Германіи обезпечило ей свободу и независимость. Она хочетъ только мирной жизни и что же? Ей не дали этого. Она разорена и теперь она думаетъ о возможности только потому, что въ августѣ 1914 г. Германія предложила Бельгіи предательство и отступить съ ея позиціи съ Германіи, въ спину свободной Франціи при помощи Бельгіи вонзить предательскій ударъ. Но тогда Бельгія сказала, что она не хочетъ быть свободной цѣной предательства, что она не хочетъ. И она хотѣла защищать свою честь и честь народа, который повѣрилъ ей. И что же тогда было сдѣлано съ Бельгіей? Вся армія бельгійская была отодвинута, почти вся отступала, была почти вся разсѣяна, города были разрушены, деревни разрушены, и вотъ она теперь

были разогнаны. И этого было мало. Нѣмцы устроили еще такое страшное издѣвательство надъ бельгійскимъ народомъ. Они закрыли всѣ заводы, вывезли всѣ машины, изъ 7.000.000 бельгійскаго народа одинъ милліонъ успѣлъ уѣхать за границу, а три милліона должны жить помощью Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, которые протягиваютъ несчастному бельгійскому населенію братскую помощь. Но этого было мало. Маршалъ Гинденбургъ взялъ все бельгійское мужское населеніе и послалъ его въ Германію, потому что у нѣмцевъ было мало пушечнаго мяса. Имъ нужны были для пушечнаго мяса всѣ рабочіе, работающіе на германскихъ заводахъ и на мѣсто ихъ надо было поставить кого нибудь. И они послали бельгійцевъ и заставляли ихъ работать противъ своей родины, и если нѣмцы должны были сейчасъ отослать обратно двѣ трети изъ этихъ рабочихъ она родину, то только потому, что бельгійскіе рабочіе оказались настолько стойкими, что никакими угрозами, ни смертью, ни голодомъ ихъ не могли заставить работать противъ родины. И вотъ товарищъ Вандервельде пришелъ къ намъ для того, чтобы просить у васъ, русской революціи, помощь для братскаго народа. Когда, говоритъ товарищъ Вандервельде, мы узнали о томъ, что совершилось въ Россіи, когда мы узнали о русской революціи, то могучая радость охватила насъ. Мы сказали себѣ: дѣло выиграно, потому что Россія идетъ съ нами, потому что всѣ тѣ, кто тормозилъ, измѣнялъ народу, всѣ тѣ находятся сейчасъ въ Петропавловской крѣпости, двери которой открыты были для друзей народа. Но, говоритъ товарищъ Вандервельде, русская революція не кончилась, она только началась. Вы хорошо скроили, но надо хорошо и сшить. Онъ предупреждаетъ васъ, онъ остерегаетъ васъ, отъ того, что реакція въ Европѣ имѣетъ три головы, т. е. вѣрнѣе, поправился товарищъ Вандервельде, имѣла три головы первую Романовскую, вторую Габсбургскую и третью Гогенцоллернскую. Вотъ три змѣиныя реакціонныя головы, которыя угрожали свободѣ европейскихъ народовъ. Вы срубили одну голову, но нужно, чтобы вы срубили и остальныя двѣ головы, чтобы подъ вашими могучими ударами онѣ скатились бы въ пыль и грязь туда, куда скатилась голова династіи Романовыхъ. Это хорошо устраивать пламенныя собранія, полныя энту-

зіазма, но этого мало. Надо еще, товарищи, для того чтобы успѣшно закончить нашее дѣло, надо еще работать и сражаться. Я хотѣлъ бы спросить рабочихъ, знаютъ ли они о томъ, что для солдатъ въ траншеяхъ для войны нужны ружья, нужны пушки, нужны снаряды. Знаютъ ли они о томъ, что бельгійскіе и французскіе рабочіе, не покладая рукъ, день и ночь работаютъ на станкахъ, для того, чтобы дать ружье. Я хочу спрашивать васъ: Работаютъ ли они такъ, потому что это святой долгъ ихъ перетъ родиной, перетъ интернаціоналомъ и революціей. Товарищи, они говорятъ, что мы имѣемъ патріотизмъ не въ работѣ, а въ солдатахъ, а просто въ солдатахъ для того, чтобы „взять" это страшное „что" которое называется „побѣдой". Они говорятъ, что для того чтобы начать революцію, нужно работать, нужно стараться, а для войны, для помощи русской революціи нужно итти съ французской марсельезой, которая напала на насъ путемъ шествіе въ концѣ XVIII вѣка, помощь русская революція съ французской марсельезой не совершитъ, это будетъ путешествіе, а кругосвѣтное путешествіе они совершили только тогда, когда пройдетъ черезъ Германію и Австрію. И въ заключеніе говорятъ Вильгельму: „Ты нашъ общій врагъ, ты собралъ всѣхъ противъ себя, ты долженъ погибнуть, ты долженъ погибнуть послѣ войны, которая будетъ послѣдней войной. Какъ ни сильна Австрія и Германія, онѣ будутъ не въ силахъ, и въ это собраніе войдутъ всѣ цивилизованныя страны: Россія, Франція, Англія, Италія, Сербія и Италія, и въ нее также войдутъ и Соединенные Штаты, которые, освѣщенный и имѣя свои собственныя цѣли, начнутъ новую жизнь. Теперь Интернаціоналъ закончилъ свою рѣчь и говоритъ: „Да здравствуетъ интернаціоналъ!" (Аплодисменты).

Предсѣдатель. Товарищи, мы слышали грека-Серба, мы слышали француза-Бельгійца. Я сынъ въ той части Бельгіи, которая теперь свободна, я выросъ въ Антверпенскихъ картинахъ, я очень хорошо знаю Бельгію, но я никогда не могу забыть одной картины, которую я видѣлъ на бельгійской границѣ. Когда я проѣзжалъ бельгійскую границу и видѣлъ спокойный домикъ, вѣроятно, въ немъ живетъ трудолюбивая бельгійская семья. И черезъ 4 дня я опять въ эту самую деревню, я видѣлъ молодую женщину, плачущую, обезумѣвшую отъ горя, видѣлъ

на лобъ, съ распущенными волосами, тянущую за собой свою малютку дочь. Товарищи, если бы вы могли понять, сколько такихъ картинъ въ Бельгіи, если бы вы могли всей вашей чуткой русской душой понять, что эти картинки есть слѣдствіе героизма, слѣдствіе чести, эти картинки есть слѣдствіе того, что этотъ маленькій шестимилліонный народъ, который никого не хотѣлъ завоевывать, который жилъ своей спокойной, мирной трудовой жизнью, этотъ маленькій народъ сейчасъ превращенъ въ ничто. Тамъ сейчасъ голодаютъ три милліона, тамъ перерѣзана большая часть населенія, тамъ нѣтъ полей, тамъ нѣтъ храмовъ.— Все разрушено, все уничтожено, и только потому, что Бельгія не хотѣла быть предательницей свободы другихъ народовъ. И если вы русскій народъ чувствуете всю эту силу, всю стойкость этого героическаго народа, то вы должны отвѣтить вотъ этому товарищу, не имперіалисту, а соціалисту-интернаціоналисту, вы должны ему отвѣтить: будьте спокойны, героизмъ Бельгіи, страданія Сербіи, это есть страданія наши, и мы свободный русскій народъ обязанъ имъ нашей революціей. Нѣтъ, ихъ мы не оставимъ, мы поможемъ имъ не словами, а дѣломъ. Товарищи, делегація съ Чернаго моря ѣдетъ на фронтъ. Въ моемъ лицѣ весь Черноморскій флотъ, весь гарнизонъ и рабочіе Севастополя приносятъ клятву, сознавая, что клятва обязываетъ людей, что тѣхъ, кто порабощенъ, тѣхъ, кто разоренъ, мы не оставимъ. Сейчасъ мы пойдемъ въ окопы, и если не довели Господи, я не вѣрю въ это, но если есть тамъ люди, которые не захотятъ пойти впередъ, наши матросы согласны взять эти винтовки, они ихъ возьмутъ и пойдутъ умереть за свободу Россіи, за тотъ интернаціоналъ, за который должно идти все свободолюбивое человѣчество (аплодисменты).

Алексинскій (Членъ 2-й Государственной Думы). Граждане и гражданке освобождающейся, но пока еще не вполнѣ свободной Россіи! Но не можетъ быть свободной та страна, на границахъ которой, на территоріи которой стоятъ иноземныя войска (правильно. Аплодисменты). Граждане, граждане! Выступая здѣсь по порученію группы „Единство“ Россійской С. Д. Р. П., я прежде всего приношу глубокую благодарность, искреннюю признательность нашимъ товарищамъ Черноморцамъ, которые пришли сюда и сказали именно то слово, которое намъ не хватало (голоса: Вѣрно. Аппл.). Граждане

и граждане! Я не знаю, откуда взяли они это слово, гдѣ они нашли ту бодрость душевную, которую они приносятъ къ намъ, — но она есть у нихъ. Взяли ли они ее изъ шума волнъ Чернаго моря, синій цвѣтъ котораго у нихъ на воротникахъ, пришла ли она изъ пѣны этихъ волнъ, бѣлые полосы которой лежатъ на ихъ куртках. Не знаю, откуда взяли они эту бодрость, но она есть у нихъ и она невольно передается намъ. Черноморскій флотъ дѣлалъ революціи раньше, чѣмъ Петроградъ и дѣлалъ вооруженной рукой; онъ боролся, поднимая знамя возстанія, онъ боролся, направляя жерла своихъ пушекъ на реакціонный режимъ въ Россіи. Да, были великія революціонныя традиціи, и я счастливъ констатировать, счастливъ признать, что эти великія революціонныя традиціи соединяются съ великими патротическими традиціями, которыхъ намъ не хватаетъ сейчасъ (апил.). Гражданки и граждане! Петроградъ сдѣлалъ революцію, но какъ сказалъ одинъ французскій писатель: „Петроградъ — ретроградъ". Слишкомъ долго царизмъ былъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ жителями города Петрограда; слишкомъ ненавистенъ былъ этотъ строй и невольно у многихъ изъ насъ ненависть къ старому строю перешла почти въ равнодушіе къ судьбамъ своей страны, къ судьбамъ ея, взятымъ въ мировомъ масштабѣ, не въ узкомъ смыслѣ своей родной колокольни, а въ смыслѣ общности съ интересами всего міра. И вотъ, явились люди, которые заговорили тѣмъ языкомъ, которымъ не говорилъ никто. Они сказали вамъ о любви Россіи, а развѣ мы не любили Россію, даже ту, которая опозорена Романовыми, Штюрмерами, Распутиными, и мы имѣемъ во сто кратъ больше основанія любить ту Россію, которая сейчасъ освобождена, но, любя ее, мы должны любить ее, какъ вкладъ въ сокровищницу человѣческой свободы. Вотъ приходятъ сюда товарищи бѣлыйцы и серые и, стыдно сказать, они должны чуть ли не плакать передъ вами, чуть не съ протянутой рукой обращаться къ вамъ, взывая о помощи. Да развѣ можно такъ говорить съ революціоннымъ народомъ? Развѣ къ французскимъ революціонерамъ приходилось являться съ протянутой рукой, чтобы просить ихъ о помощи? Нѣтъ, они сами шли со своими революціонными штыками и говорили властителямъ: если вы не уйдете добровольно, мы васъ смѣстимъ, сбросимъ въ прахъ, какъ сбросили нашего собственнаго тирана (Браво. Аппл.)

нами изъ этой среды, безъ нихъ не было бы настоящаго русскаго движенія, потому что трудовыя массы мечтали объ одномъ, какъ отплатить за національное униженіе, за національное угнетеніе. Вмѣсто настоящаго международнаго стремленія развивались бы стремленія узко-шовинистическія, и объ этомъ надо подумать тѣмъ, кто до сихъ поръ интересовался при низведеніи насъ теперь не только на національной задачи Россіи, которая является вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ глубоко интернаціональной. Вотъ почему я говорю, во имя соціализма надо идти впередъ, надо свергнуть ненавистный кровавый позоръ самодержавія съ русской земли, надо, чтобы русская революціонная армія была готова къ активному наступленію.

Можно сказать, что спасетъ русскую свободу внутри страны. Но надо спасать не только отъ реакціи, которая господствуетъ, а и отъ той заграничной реакціи, которая напираетъ извнѣ. Тѣ, кто ищетъ предлогомъ защиты внутренней свободы отказаться отъ защиты свободы передъ врагомъ, объ этомъ надо подумать и къ этому отнестись серьезно. Граждане и гражданки, съ одними лишь пожеланіями по адресу героевъ, англійскихъ, американскихъ, японскихъ и французовъ вы не можете быть заодно съ нашими свободными демократіями. Но война слишкомъ многое поставила, значитъ, только дѣло въ томъ, чтобы настала пора призывать теперь. Надо призвать каждаго солдата и каждаго матроса, которые находятся въ тылу, чтобы они задумались надъ своимъ положеніемъ, чтобы они поняли, что здѣсь окончательно рѣшаться только охраненіемъ спокойствія внутри, не имѣя тутъ видѣть врага, которую надо искать и найти на фронтѣ. Надо обратиться къ каждому, кто не идетъ въ армію, кто можетъ имѣть какія-нибудь причины отсрочки: почему тотъ не долженъ сражаться за свободу Россіи и за освобожденіе всего міра, создать настоящую революціонную армію, чтобы у каждаго долга, своей внутренней совѣсти, которая бы не играла въ двусмысленность, и долга передъ родиной была бы отвѣтственность. Надо напомнить отвѣтственность за эти дни, когда каждый долженъ съ оружіемъ въ рукахъ. И пусть каждый прислушается къ себѣ. Пусть каждый заглянетъ въ свою душу и спроситъ себя въ тишинѣ своей

граждане! Что бы вы ни думали, но фактъ
остается фактомъ: русская революція есть дитя
мировой войны. Вы могли сдѣлать ее только потому,
что за вами гдѣ то тамъ, въ невидимой для васъ дали,
стояли не только русскія войска, но стояли остатки
сербскихъ войскъ, остатки бельгійской арміи, француз-
ская армія, англійская армія. Только благодаря тому,
что они удерживали часть германскихъ войскъ, вы могли
въ Петроградѣ дѣлать революцію. Если среди васъ нахо-
дятся люди, которые скажутъ, что имъ безразлична
судьба союзныхъ народовъ, они измѣняютъ не только
этимъ народамъ, но и своему собственному дѣлу; они
наносятъ ударъ тѣмъ, кто стоялъ за нами въ самый
опасный моментъ. Вы представьте себѣ, граждане, что
было, если бы не было за нами французской, сербской и
бельгійской, англійской арміи во время русской рево-
люціи. На революціонную Россію шелъ бы тогда реак-
ціонный германизмъ. Неужели вы думаете, что тогда вы
справились бы съ царизмомъ и кайзеризмомъ—въ одно
и то же время. Вы были бы тогда подъ властью Вил-
гельма и Романова и имѣли бы въ лицѣ Романова не только
тирана и угнетателя, но были бы холопами холопской
державы, вы были бы рабами чужого раба (апл.). Граждане
и гражданки! Не только судьбы русской свободы, но
только судьбы всего міра связаны съ окончательнымъ
для союзниковъ исходомъ этой войны. Что говорить о
судьбѣ свободы, гдѣ въ можетъ быть тутъ какой-нибудь
вопросъ, неужели Султанъ есть представитель демокра-
тіи, а не американская республика (браво. Апл.). Неу-
жели Фердинандъ Кобургскій, неужели Карлъ Габ-
бургскій и Вильгельмъ Гогенцоллернъ революціонеры въ
міровомъ прогрессѣ, а не французская республика и
англійская конституція (голоса. Браво. Апл.). Пусть
кто-нибудь попробуетъ взять этимъ вопросомъ и опро-
вергнуть. Во имя міровой свободы и соціальной ре-
волюціи должна стать революціонной, живой силой
не что иное, какъ соціализмъ, потому что соціализмъ не
основывается послѣ войны Германіи, онъ не можетъ
существовать, благодаря новой кайзеровской, прус-
ской бѣдности, которая бы въ пиявку, которая бы
нашу страну. Тамъ не было соціалистическаго
общества не стало бы и въ другихъ странахъ. Если бы
Англія, Франція, Англія, Россія, вышли не
обновленными, а просто уничтоженными, то

собственной душевной жизни,—исполнилъ ли онъ честно свой долгъ, какъ гражданинъ той страны, которая разорвала цѣпи и будетъ ли онъ рвать цѣпи, разрывать мертвыя петли на шеѣ другихъ народовъ. Тотъ, кто искренекъ, онъ, конечно, сумѣетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. И вотъ, я говорю вновь, надо поблагодарить нашихъ товарищей черноморцевъ за то, что они сказали то слово, котораго не хватало.

Мы можемъ побѣдить, потому, что мы должны побѣдить. Мы должны побѣдить, мы можемъ побѣдить, потому что для этого есть и матеріальная возможность. Кто сильнѣе, мы или противники? Съ нами демократія, съ нами свободныя страны, съ нами финансы Америки, съ нами матеріальные ресурсы Англіи, съ нами боевая сила Франціи, Англіи и въ ближайшемъ будущемъ Америка, съ нами пока Польша, которая вѣрно охраняетъ нашъ тылъ. Мы сильнѣе, мы матеріально можемъ выиграть войну, если не проиграемъ ее морально. Насъ призываютъ къ моральной сдачѣ врагу, за которой будетъ и матеріальная сдача, потому что при умѣніи нельзя побѣдить. И вотъ мы должны высоко признательны нашимъ товарищамъ Черноморцамъ, они принесли намъ вѣру и энергію. Пусть они идутъ со своею проповѣдью по всѣмъ селамъ и городамъ Россіи, на фронтъ и въ Балтійскій флотъ, пусть тотъ, кто сочувствуетъ имъ, тоже дѣлаетъ это великое дѣло революціонной пропаганды. Россія болѣе сознательна, и смотря на свою отсталость, чѣмъ была Франція въ концѣ XVIII вѣка, она болѣе велика, болѣе могуча. Неужели же она не сдѣлаетъ того дѣла, которое сдѣлано французами, Конечно, она сдѣлаетъ это. Если она сдѣлаетъ это, тогда только она имѣетъ право пѣть великую французскую пѣсню Марсельезу. Нельзя пѣть великія слова о свободѣ, если вы не готовы защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ... (Аплодисменты)... Это не призывъ къ кровожадности, а призывъ къ сознательности. Все равно какъ Николая Романова нельзя было убѣдить словами, а можно было убѣдить солдатскими штыками, точно также и Вильгельма Гогенцоллерна со всѣми его Гинденбургами вы никакими миролюбивыми словами не проймете. Пока вы будете вести разговоры, онъ будетъ накоплять свою военную мощь, чтобы сломить сопротивленіе Западнаго фронта и затѣмъ обрушиться на насъ. Во время войны надо говорить языкомъ оружія, во время войны и рево-

люціи надо говорить языкомъ революціоннаго оружія. Мы говоримъ, мы за миръ, обезпечивающій мирное сотрудничество и свободное развитіе всѣхъ народовъ. На пути къ этому міру стоятъ Гогенцоллерны, Габсбурги, Кобурги и турецкій султанъ. Долой ихъ, да здравствуетъ вынесеніе русской революціи въ Европу. Вотъ настоящія международныя задачи. Когда вы добьетесь настоящаго интернаціонализма, когда вы русскую революцію, какъ могучій факелъ, а не какъ чадящую головешку бросите въ Европу и во весь міръ, тогда на вашъ призывъ откликнутся пролетаріи всего міра, тогда имя русскаго революціоннаго народа будетъ благословенно во вѣки вѣковъ! (Бурные аплодисменты).

Мантуровъ говоритъ отъ имени соединеннаго комитета гардемаринъ, юнкеровъ, всѣхъ военно морскихъ учебныхъ заведеній. Товарищи, позвольте по случаю вашего пріѣзда огласить здѣсь стихотвореніе, написанное ратникомъ 14 флотскаго экипажа Горшковымъ:

Посвящается морякамъ Чернаго моря.

Свобода скована подъ страшный ревъ орудій.
Подъ свистъ пуль и грозный лязгъ штыка,
Подъ стоны раненыхъ и крикъ могучій въ груди
И славный, бодрый зовъ родного моряка.

Казалось мнѣ—путь убранъ нашъ цвѣтами
И душу веселитъ видъ радостной толпы
Но розань проклятая мелькнула между нами,
О, я забылъ, что въ розахъ есть шипы.

И думалъ я, что гибель роковая
На смѣну радости пришла, какъ ночь черна,
Что отравились всѣ и родина святая
Отъ яда страшнаго испитаго до дна.

Шуми, бурлитъ Русь, какъ волны океана,
Не избѣжать, казалось ей, позорнаго конца
Но вдругъ услышали средь адскаго тумана
Великій, мощный кличъ безстрашнаго пловца

Кто тамъ плыветъ въ пучинѣ, не робѣя:
Случайный другъ или коварный врагъ?
Въ рукѣ его прекрасный стягъ Андрея—
Конечно другъ—отважный нашъ морякъ

[illegible] тебѣ, горитъ [illegible] южныхъ морь
За слово добрее въ часы тяжелой муки,
И память о тебѣ въ вѣкахъ не пропадетъ,
Ее передадутъ потомкамъ наши внуки.

Готовъ поклясться я свободою святою,
Что не забудетъ Русь тебя лихой морякъ!
Поставитъ памятникъ могучею рукою
И водрузитъ на немъ Андрея славный флагъ.

(Бурные аплодисменты).

[illegible] силъ прежняго энтузіазма, когда онъ [illegible] великой революціи, имѣется теперь нѣкоторое [illegible], нѣкоторое недоумѣніе. Но и только. Армія [illegible], если сообразить, образовъ тыла [illegible] [illegible] крестьянъ. Относительно фронта я [illegible] [illegible] [illegible]

рыя переносить наши свободные граждане во врем-
скомъ плѣну, но я вѣрить скажу, что такое нѣмцы, и
что мы отъ него вышли. Пусь здѣсь, въ Петроградѣ
пріѣзжіе къ братанію, но мы плакали, когда слышали
ихъ слова, мы плакали потому, что мы отлично, знаемъ что
такое нѣмцы. Я, въ теченіе 25 мѣсяцевъ изучилъ всѣ
слои населенія нѣмецкаго народа, я могу сказать, что
нѣмецъ отъ мала до велика проникнутъ идеей захвата,
то нѣмецъ гордъ и съ нимъ мы должны бороться и
съ нимъ братаніе, а, какъ сказалъ только что товарищъ
Богдановъ, путемъ братанія съ самими собой, путемъ бра-
танія пробитыхъ съ солдатами, путемъ братанія съ нѣмец-
кими. Только такимъ путемъ мы добьемся дли-
тельнаго и долгаго мира. Товарищи, я отъ имени
большевиковъ говорю товарищамъ меньшевикамъ, что мы с
ними пойдемъ туда, же куда и они пойдутъ. Мы, ре-
шившіе тяжелую жизнь въ плѣну, мы, потерявшіе
здоровье, мы пойдемъ и будемъ бороться до конца съ
нѣмецкими силами, которыя хотятъ во что бы то ни
стало разбить Россію. Этого не будетъ (Апплодисменты).
Граждане, я призываю отъ имени всѣхъ
партійные раздоры, и соединимся въ одно. Кончимъ
съ этой дѣлью, работе—айте къ станкамъ, солдаты, съ
окопъ свѣжъ штыковъ, вами же возстановимъ
устанавливайте желѣзную дисциплину, дисциплину,
нужную не на плѣнѣ, а на разумномъ сознаніи
долга передъ родиной. Тогда намъ никто не
страшенъ. Тогда мы свою свободу завоюемъ и наше
положеніе будетъ съ благодарностью вспоминать
весь міръ мы будемъ отъ этого выгодно. (Бур-
ныя рукоплесканія).

Земляничкинъ (дѣлегатъ Румынскаго фронта).
Товарищи, вѣрно вамъ, что румынскій фронтъ,
какъ здѣсь въ Петроградѣ, что онъ имѣетъ
большинство, что мы были правы, когда
говорили — вы заблуждались. У насъ была дѣй-
ствительно Керенской борьба безъ
мы остались безпомощными. У насъ масса дезер-
откуда мы не слыхали словъ братанія, не
хотимъ міръ противъ этого. Послѣдній
ряда различныхъ политическихъ партій, когда
въ должны слиться въ одну партію — партію
Дайте мнѣ отсюда бодрости, дайте вѣру,
чтобы мы эту вѣру перенесли на румынскій

къ арміи, которая разбогаетъ тамъ давно, дайте вѣру въ то, что вы кончите все это, что вы, солдаты петроградскаго гарнизона не останетесь здѣсь, въ Петроградѣ, придете къ намъ. У васъ есть революціонный порывъ— дайте его намъ — и мы пойдемъ до конца. Мы будемъ бороться вмѣстѣ съ вами. Гражданки Россіи, спрашивайте каждаго офицера и солдата, которые находятся въ тылу, долго ли они будутъ сидѣть здѣсь, пусть они идутъ къ намъ. Господа, я вѣрю, что вы пойдете къ намъ, но у насъ все ж было сомнѣніе, потому что вы черезъ чуръ засидѣлись. И я говорю это искренно и сердечно. Если нужно это для свободы, мы образуемъ національную русскую гвардію, которая защититъ ее и которая будетъ единая со всѣмъ фронтомъ и съ Петроградомъ и съ тыломъ, мы сами сумѣемъ защитить Петроградъ, но только не давайте намъ больше сомнѣній, что вы въ скрытомъ видѣ, завуалированномъ, говоря о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій, говорите все же о мирѣ, говорите о томъ, что не нужно взять въ руки штыки и что не нужно завоевывать и удерживать свободу. Дайте намъ вѣру, что этого нѣтъ.

Предсѣдат. Слово внѣ очереди принадлежитъ предсѣдателю всероссійскаго съѣзда крестьянскихъ депутатовъ и предсѣдателю совѣта украинскихъ селянскихъ депутатовъ, члену первой Гос. Думы Тесля.

Тесля. Позвольте васъ, граждане свободной Россіи, привѣтствовать отъ голоса земли русской, всероссійскаго съѣзда крестьянскихъ депутатовъ и позвольте также привѣтствовать отъ все-украинскаго совѣта селянскихъ депутатовъ. (Бурн. апл.). Товарищи черноморцы привѣтствовали всероссійскій съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ и въ своихъ привѣтствіяхъ выражали полностью всѣ тѣ намѣренія, всѣ тѣ надежды, всѣ тѣ стремленія какими было исполнено ихъ сердце. Излагая всѣ эти намѣренія, всѣ эти пожеланія, излагая всю программу дальнѣйшей дѣятельности и излагая все то, что они несутъ сейчасъ, идя туда на фронтъ, они просили отъ Всероссійскаго Съѣзда Крестьянскихъ Депутатовъ, отъ голоса земли русской просили благословить ихъ на этотъ трудный ратный путь. И я уполномоченъ заявить на все то, что было намъ сказано о томъ трудномъ и отвѣтственномъ ратномъ пути, на который они просили благословенія Всероссійскаго Съѣзда Крестьянскихъ Депутатовъ, я уполномоченъ заявить отъ Всероссійскаго

съѣзда Крестьянскихъ Депутатовъ, что мы благословляемъ ихъ на этотъ трудный ратный путь и желаемъ имъ на этомъ трудномъ и тяжеломъ пути защитить право и свободу Россіи и осуществить всѣ тѣ завѣтнѣйшія мечты, всѣ тѣ завѣтнѣйшіе святые идеалы, ради которыхъ они идутъ туда бороться. (Апл. . урные).

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ делегированному отъ Совѣта Союза Казачьихъ Войскъ Долгову.

Долговъ. Братія Черноморцы, моряки стараго Каспійскаго моря! Казаки прислали меня къ вамъ сказать, что наши слова и наши стремленія тѣ же, что и у вольнаго казачества. Вы зовете къ единенію, вы зовете къ борьбѣ за свободу съ оружіемъ въ рукахъ. Это наши мысли и чувства. Въ казачествѣ не было за эту великую войну дезертира, не было добровольно сдавшихся въ плѣнъ, и когда началась Великая Россійская Революція, казачество, примкнувъ къ ней изъ первыхъ, не потеряло ни на одну минуту той стройности, которая единственно дастъ намъ возможность защищать свободу, не только свою свободу, но свободу всего міра. Мы знаемъ, что свобода отстаивается только съ оружіемъ въ рукахъ. Цѣлые вѣка мы отстаивали ее и отъ Московскихъ царей, за что платились потоками крови и отъ дикихъ кочевниковъ, которые грозили свободѣ и независимости всей Россіи. И теперь, зная это черезъ свой историческій опытъ, мы, казачество, служа великому, свободному русскому народу, никогда не положимъ оружія, никогда не пойдемъ брататься съ нашимъ врагомъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ весь міръ не будетъ свободенъ.

Осьмининъ. Я выступаю отъ имени республиканскаго союза, отъ имени членовъ Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ. Товарищи, я какъ солдатъ, прежде всего скажу о войнѣ, ибо она меня больше всего интересуетъ. За эти два мѣсяца свободы мнѣ многое пришлось слышать, какъ и на какихъ условіяхъ окончить эту тяжелую войну. На фронтѣ было много планов, много предположеній, но я какъ солдатъ, пробывшій 30 мѣсяцевъ на фронтѣ, только что пріѣхавшій сюда въ дни революціи, скажу прямо и опредѣленно: для того, чтобы покончить съ нѣмцами эту бойню, намъ нужно немедля ни одного часа, ни одной минуты наступать. (Голоса: правильно. Бурн. рукоп.). Товарищи, для того, чтобы наше наступленіе было удачно, нужно на время оставить всѣ внутреннія распри и разборы, нужно соединиться всѣмъ

[illegible] в союзъ единую, грозную неприступную [illegible] отъ Владивостока до Двинска, отъ Ледовитаго [illegible] до Чернаго моря и сказать, что мы войны не [illegible], но защищать свободу народа будемъ и на [illegible] штыкахъ мы вывѣсимъ великое воззваніе Со[illegible]та Р.С. и Сол. Деп., покажемъ германскому сол[illegible], что мы не хотимъ завоевательныхъ цѣлей, но [illegible] къ намъ не придете, то мы вооружимъ всю Россію, вооружимъ жен, вооружимъ всѣхъ женщинъ, но мы всѣ умремъ на фронтѣ, но не дадимъ германскому сапогу топтать Россію. (Бури апл. Крики ура). Товарищи, я вѣрю, что нашъ свѣтлый рыцарь революціи, нашъ военный и морской министръ не позволитъ нашу Россію въ угоду Вильгельму къ порабощенію. Нѣтъ, онъ поведетъ насъ къ побѣдѣ, онъ поведетъ насъ къ тому миру, къ миру почетному, достойному [illegible] Россіи. Товарищи, какъ больно рвалась моя [illegible]дь, какъ сотрясала меня, рассѣкая шрапнелью голова, когда я ѣздилъ на автомобилѣ 20, 21 апрѣля, какія горькія слезы текли по моимъ измученнымъ [illegible], тогда я думалъ, что Россія гибнетъ, что Россія [illegible] по великой плоскости. Какъ мнѣ хотѣлось [illegible] дни. Но сегодня я хочу жить. Я [illegible], жить и вѣрить, что Россія [illegible] съ честью, [illegible] съ честью и [illegible] миръ достойный великого [illegible]. Что мы [illegible] не позволимъ Гинденбургу [illegible] въ Петроградъ и продиктовать намъ миръ [illegible], какой мы хотимъ, а какой хочетъ германскій народъ. И я думаю, что слова этой маленькой кучки [illegible] сказали, что германскій народъ [illegible], что [illegible] чувства не солидарны [illegible] съ [illegible], которая [illegible] къ намъ [illegible]. Товарищи, Вильгельмъ [illegible], который [illegible] къ намъ [illegible], [illegible] товарищу нашему [illegible], [illegible] [illegible] всѣ [illegible] [illegible]. Я не думаю, что Вильгельмъ не [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], что мы [illegible], [illegible], [illegible] [illegible], [illegible], [illegible] [illegible] нельзя. (Бури апл.).

Шенкманъ. Я [illegible] отъ имени [illegible] кратической рабочей партіи, болѣе [illegible] фамилія моя Шенкманъ, студентъ [illegible] верситета.

Мы ненавидимъ войну, но не только на словахъ, мы ненавидимъ ее на дѣлѣ, мы боремся и готовы всегда противъ войны. Товарищи, вы слышали, что [illegible] что соціалисты всегда были противъ войны. Да, [illegible] товарищи, не только тѣ, въ [illegible] соціалисты за войну, — у насъ тоже [illegible] мало о войнѣ. Товарищи, теперь мы [illegible] съ [illegible] рукахъ, съ документами, [illegible] документами мы можемъ [illegible] товарищи, въ [illegible] войны. [illegible] что у [illegible] Германіи, Австріи и Румыніи, и одна голова—прочь отсѣчена, мы скажемъ—двѣ головы должны [illegible] и у [illegible] міръ непристунную [illegible] Николай Романовъ. Да, товарищи, это [illegible] непристунная крѣпость, которую [illegible] ціи, единственная, потому что [illegible] смѣстены [illegible] интернационалистами, [illegible] сили, да, въ воскресенье 18 апрѣля, [illegible] интернационалистъ. Не только соціалисты-интернационалисты, интернационалистъ, который [illegible] приведетъ къ побѣдѣ великой [illegible] тій. Для этого необходима организація, въ этой великой могучей силѣ. Организація по [illegible], организуя по профессіональнымъ [illegible], организуя по арміи по всему [illegible], организація [illegible]. Интернаціонала, мы бросаемъ [illegible]. Пусть [illegible] слышитъ [illegible] организованность, [illegible] великая организованность, [illegible] [illegible] [illegible]

тора вы оказали плохую услугу, вы показали, что вы не умѣете себя вести. Это нехорошо. Вы намъ служите нехорошую помощь. Въ томъ, что вы не хотѣли слушать представителя большевизма, извините, я вижу, къ сожалѣнію, непониманіе того пути, по которому нужно итти къ свободѣ. Вы намъ плохую помощь оказываете. Во первыхъ, не даете возможности, послушать то, что говоритъ товарищъ-большевикъ, вы лишаете насъ возможности послушать его доводы, а съ другой стороны даете возможность вотъ этимъ товарищамъ, которые тамъ сидятъ, и они будутъ совершенно правы, сказать: почему Баткинъ можетъ говорить, а нашему товарищу нельзя. И они совершенно правы. Я очень прошу собраніе соблюдать всѣ тѣ строгости, которыя необходимы для всякаго человѣка, понимающаго что такое свобода. Мы противъ войны и исполняемъ это и словомъ и дѣломъ. Вотъ что съ пафосомъ сказалъ тотъ ораторъ, который говорилъ. Вы боретесь словомъ, а вотъ мы боремся дѣломъ. Скажите мнѣ, нашелъ ли этотъ ораторъ среди насъ, среди васъ, такихъ, которые говорятъ: мы за войну. Нѣтъ, такихъ онъ не нашелъ. Но мы знаемъ русскій народъ, мы знаемъ, что этотъ русскій народъ воспитывали не въ школахъ, а въ тюрьмахъ, мы знаемъ, что этотъ русскій народъ имѣлъ не книги, а имѣлъ нагайки, и вотъ съ этимъ русскимъ народомъ мы литературнымъ, иностраннымъ языкомъ не можемъ говорить. Мы тоже кричимъ русскому народу: да, мы противъ войны, какъ таковой, но сейчасъ нужно воевать, а вотъ представители другого теченія, они бросаютъ въ русскій народъ фразы, въ которыхъ никто разобраться не можетъ и отговариваются общими словами: „интернаціоналъ“. Когда вы спросили этого товарища: скажите намъ по совѣсти, какъ кончить войну— онъ вамъ сказалъ: созданіемъ интернаціонала. Но Вандервельде развѣ меньше интернаціоналистъ, чѣмъ товарищъ Ленинъ? Позвольте мнѣ не сомнѣваться, что онъ, вѣроятно, чуть-чуть побольше (Голоса: правильно, аплодисменты). И вотъ, онъ, этотъ интернаціоналистъ Вандервельде пришелъ сюдс и со слезами на глазахъ сказалъ вамъ: я пришелъ къ русскому революціонному народу, чтобы сказать ему, что нуженъ интернаціоналъ, но для этого нужно сверженіе милитаризма, а товарищи большевики бросаютъ въ сѣрую массу слово: интернаціоналъ и боятся сказать, какъ же сдѣлать этотъ самый

интернаціоналъ (браво, апл.). Вѣдь вы знаете, что въ русской деревнѣ еще есть мужикъ, который спроситъ, что такое республика, не значитъ ли это „рѣжь публику", вотъ, что скажетъ русскій мужикъ въ нѣкоторой части своей. Такъ можно ли этому русскому народу кидать слово интеренаціоналъ. Нѣтъ, скажите ему просто, мы хотимъ мира всѣхъ народовъ, миръ безъ аннексій, безъ контрибуцій на свободномъ самоопредѣленіи народовъ но мы не допустимъ, чтобы наша свобода, которой угрожаетъ Германія, чтобы эта свобода была раздавлена-полчищами нѣмецкихъ солдатъ. Нѣтъ, для тѣхъ, съ винтовками защищающихъ Вильгельма, у насъ есть груди русскихъ молодыхъ бойцовъ, отстаивающихъ свою свободу. Вотъ, какъ надо говорить съ арміей (Голоса: правильно, аппл.).

Товарищи большевики вамъ говорили о братаніи на фронтѣ, но они не договаривали. Товарищъ большевикъ Каменевъ со мной какъ то особенно говорилъ и совсѣмъ запуталъ меня своими отвѣтами—я просто не могъ понять, что онъ говорилъ. Такъ, онъ мнѣ сказалъ—политическое братаніе — это одно, логическое — это другое, братаніе отъ усталости—это третье, а я скажу, шкурный вопросъ, вотъ четвертое и самое важное. (Бурные апплодисменты. Шумъ. Отдѣльные возгласы солдата, указывающаго на свой георгіевскій крестъ)

Товарищи-солдаты, которые указываютъ на свой георгіевскій крестъ! Если вы придете къ себѣ домой, откроете вашу куртку, и посмотрите свое сердце, тогда вы скажете, вѣроятно, то же, что сказалъ и я, вы скажете, что мы должны, что мы пойдемъ впередъ, за русскую свободу. (Апплодисменты. Шумъ). (Голосъ того же солдата: Сначала одѣнь насъ, накорми...) (Шумъ). Вы слышали, что сказали георгіевскіе кавалеры, они сказали: мы только что съ позиціи и мы на позиціи пойдемъ. Вотъ что говоритъ всякій честный человѣкъ. Они спрашиваютъ насъ, что же война съ буржуазіей кончена? Что же земля опять погромщикамъ пойдетъ? Нѣтъ скажу я, мы всѣ матросы Черноморскаго флота, которые съ большевиками сейчасъ ни за что не пойдутъ, всѣ они клянутся, что пока они живы, пока живъ хоть одинъ матросъ, вся земля всѣмъ трудящимся. (Шумъ. Отдѣльные возгласы. Апплодисменты). Не перебивайте меня. Вотъ эта помощь по настоящему, мы не только говоримъ и идемъ на позицію дѣло дѣлать. Вотъ они,

съ красными повязками на рукѣ, идущіе съ маршевыми ротами вотъ они оказываютъ помощь по настоящему. (Шумъ. Мѣшаютъ говорить.). (Голосъ: Сначала обуй, накорми...). Да вѣдь и мы тоже говоримъ, что надо накормить, а для этого нужны деньги, а для этого мы говоримъ подписывайтесь на заемъ, капиталисты давайте деньги. (Шумъ.) Почему мы считаемъ заявленія большевиковъ вредными и опасными — потому что они знаютъ что борьба пролетаріата съ капиталистами возможна только организованными и просвѣщенными массами, потому что они знаютъ, что раздѣленіе тыла на партіи другъ съ другомъ дерущіяся, страну приведетъ страну къ гибели, потому что они знаютъ, что русскій пролетаріатъ не просвѣщенный, что русское крестьянство не организовано, потому, что они знаютъ, что эти люди не понимаютъ иностранныхъ словъ и несмотря на это, они ведутъ ихъ на активное выступленіе, бросая неосторожные лозунги, неправильныя требованія, они не укрѣпляютъ, а разъединяютъ свободную Россію. (Бурные апплодисменты. Голоса: Правильно, правильно, правильно).

Въ виду того, что мы должны черезъ 5 минутъ покинуть зданіе цирка, митингъ продолжаться не можетъ. И мы всѣ, разсчитывая, что въ этомъ мы всѣ сойдемся, споемъ вмѣстѣ марсельезу и выразимъ надежду, что когда мы придемъ на слѣдующій митингъ, то мы одинаково терпѣливо дадимъ слово и большевикамъ, и меньшевикамъ и соціалистамъ—революціонерамъ. (Всѣ встаютъ поютъ марсельезу и расходятся. Баткина выносятъ на улицу на рукахъ при бурныхъ овацiяхъ).

(Конецъ).

Библіотека
Института В. И. Ленина

Временный Комитетъ Государственной Думы.

Издательство „Освобожденная Россія" при Времен. Комит. Гос. Думы имѣетъ цѣлью разностороннее ознакомленіе широкихъ массъ народа съ вопросами политическими, экономическими, общественными и др., какъ они освѣщаются теперь различными теченіями и партіями.

Издательствомъ „Освобожденная Россія" выпущены въ свѣтъ:

I. Л и с т к и:

В. Г. Короленко:—Отечество въ опасности. Г. В. Плехановъ: — Задачи русскаго рабочаго класса. В. В. Водовозовъ: — Учредительное Собраніе и кто будетъ выбирать въ Учредительное Собраніе. Эм. Вандервельде: — Воззваніе бельгійскихъ рабочихъ. — Наши союзники о событіяхъ въ Россіи. К. К. Арсеньевъ:—Къ новой жизни и А. С. Изгоевъ:—Первые шаги. Т. А. Богдановичъ:—Русскій призывъ и нѣмецкій отвѣтъ. Н. А. Бородинъ: — Казаки—друзья народа.—Угроза Вильгельма. Поруч. Кухаренко: Голосъ изъ арміи. Н. Минскій: — Что сдѣлали нѣмцы въ республиканской арміи. Н. Бобровниковъ: — Бесѣда объ аннексіяхъ и контрибуціяхъ. Рѣчи А. И. Гучкова и А. Ф. Керенскаго на съѣздѣ делегатовъ съ фронта—„Война и Міръ".

II. Б р о ш ю р ы:

№ 1. **Т. А. Богдановичъ.**—Великіе дни революціи. Ц. 15 к.
№ 2. **П. В. Герасимовъ.**—Новый строй и права свободныхъ гражданъ. Ц. 15 к.
№ 3. **Н. Овсянниковъ.**—Что такое Учредительное Собраніе и Основные Законы. Ц. 8 к.
№ 4. **В. В. Португалевъ.**—Царствованіе послѣдняго Романова. Ц. 15 к.
№ 5. **Ив. Лукашъ.**—Волынцы. Ц. 15 к.
№ 6. **Ив. Лукашъ.**—Преображенцы. Ц. 15 к.
№ 7. **Т. А. Богдановичъ.**—Почему мы воюемъ? Ц. 10 к.
№ 8. **Ив. Лукашъ** Павловцы. Ц. 15 к.
№ 9. Я. Я. Гуревичъ. О государственномъ управленіи. Ц. 15 к.
№ 10. П. И. Люблинскій. О свободѣ. Ц. 5 к.
№ 11. Е. И. Тарасовъ.—Николаевщина. Ц. 10 к.
№ 12. М. Ипполитовъ.—Монархія и республика. Ц. 10 к.
№ 13. Ольговичъ. Неприкосновен. личности и жилища. Ц. 5 к.
№ 14. А. М. Петрункевичъ. — Объявленіе правъ гражданина и человѣка. Ц. 8 к.
№ 15. Б. И. Филатовичъ. — Дисциплина въ народной арміи. Ц. 10 к.
№ 16. М. Матвѣевъ.—Солдатъ-республиканецъ.
№ 17. Н. Бобровниковъ.—Что произошло въ Россіи?
№ 18. Пр. П. И. Люблинскій. — Основы гражданскихъ свободъ (печ.).
№ 19. Толковникъ политическихъ словъ и политическихъ дѣятелей (печ.).
№ 20. Е. И. Тарасовъ.—Декабристы. Ц. 15 к. (печ.).
№ 21. В. Г. Короленко.—Паденіе царской власти (печ.).
№ 22. П. П. Гронскій.—Новая волость.
№ 23. Красный флотъ за свободу и родину!

Сборнички „Освобожденной Россіи" № 1. Статьи: К. К. Арсеньева, П. П. Маслова, А. Н. Потресова, Н. П. Огановскаго, А. А. Яблоновскаго. Ц. 10 к. № 2: Статьи: Д. В. Философова, П. А. Берлина и В. В. Португалова. Ц. 15 к.

Перепечатка по соглашенію съ Времен. Комитет. Гос. Думы.